

ИГУМНОВ Д.А
НЕЖЕНКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Денис Александрович Игумнов

Неженка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71747518

SelfPub; 2025

Аннотация

Сборник рассказов "Неженка" – репортажи из жизни, в которые трудно поверить, и байки тёмного продолжения реальности, после которых трудно заснуть.

Открывая новую книгу Игумнова, читатель одновременно открывает и двери в разные ипостаси нашей реальности. Мир, словно змея, сбрасывает чешую серой повседневности, обнажая мясо устремлений главных действующих лиц историй "Неженки". Автор предлагает читателю вкусить изрядную порцию ужасов современного общества, испить с героями историй чашу их горя и выбора, и желает приятного аппетита.

Содержание

Медовые пятки	4
Три щелобана	25
Дедайты	34
Обиженка	58
Сильная и независимая	70
Собеседование	81
Первая ядерная	94
Чёрная скорая помощь	105
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Денис Игумнов

Неженка

Медовые пятки

У Ромы я гостил не в первый раз, гостил в загородном доме – не на даче, а именно в полноценном доме, особняке, в котором, при желании, можно было жить круглый год. Такой его, я думаю, личный форпост в нашем полном случайностей мире. Подспудное беспокойство, наверняка, сопровождало Рому, как, впрочем, и меня. Моё внутреннее напряжение не находило выхода, от этого у меня болел желудок по утрам, и печень – по ночам. А у него, насколько я мог заметить, всё складывалось тип-топ. Он занимался предпринимательством – малым бизнесом, открыл консалтинговое агентство, вёл тренинги по продажам. Раньше он, как я до сих пор, мучился в продажах: сначала сам бегал за клиентами, потом руководил, а когда стало совсем невтерпёж стал преподавать – учить других тому, что ему самому обрыдло. Молодец, вот у меня бы так не получилось. Всё, на что меня хватило, – это стать руководителем отдела небольшой фирмы по производству пряников – звучит, конечно, не очень, но эти пряники мне давали заработать на хлеб, на эти пряники я содержал себя и платил алименты. Между прочим, любой бизнес

– стресс, и обучать других амбициозных или линейных, или тупых, или странных, да вообще работать с людьми – не сахар. Рома приспособился: если его накрывал вал негатива, то он поступал просто – сбегал к себе на форпост, иногда, за компанию, приглашал и меня.

Мы с ним познакомились, работая в одной смешной конторе, которая горела желанием продавать куртки-непродувайки собственного изобретения и производства: дутые прозрачные разноцветные куртки из полиэтилена (ПВД). Ничего у них, конечно, не получилось, хотя планы были наполеоновские. Деньги инвесторов быстро закончились, и остались горе-изобретатели у разбитого корыта отрицательного финансового результата за первый квартал их кипучей деятельности и со складом, набитым дутыми непродувайками, как гоголевская няня гречневой кашей. Это было моё первое место работы, а Романа – второе. На почве нервного стресса, культивируемого в конторе как наилучшее средство управления торговым персоналом, который мы глушили после работы, а иногда и вместо неё, невообразимыми простому человеку потоками дешёвого алкоголя, мы и сошлись. Кстати, то жуткое пойло не мешало нам продавать, и мы среди двенадцати апостолов новой религии курток-непродуваек занимали первые места по продажам, естественно. Продавали недостаточно, чтобы окупить расходы даже на свои оклады, но зато могли чувствовать себя лучшими лузерами среди остального стада худших лузеров. Честно, не далеко мы от осталь-

ных-то и ушли, но молодость, безудержная энергия, погоня за удачей, кое-какие деньги – у меня так вообще первые настоящие деньги в моей жизни, – позволяли с надеждой смотреть в будущее и не терять вкус к жизни.

Потом мы с Ромой работали вместе ещё в двух компаниях, а потом наши пути разошлись – мы стали делать карьеру по отдельности друг от друга, что хорошо – лишняя конкуренция в борьбе за мягкое кресло босса ни мне, ни ему была ни к чему. Главное – мы не теряли связь и помогали советом друг другу в трудных ситуациях, спускали вместе пар в ресторанах, нередко, – пока я не остепенился, не женился, – тусовались в клубах, лакомились на ночных пастбищах сладким клевером девушек, ищущих любви и приключений.

В общем, так случилось, не знаю сам как, но все прежние мои друзья – из института, школы, с прежних мест работы – сначала отошли на второй план, потускнели, как старые дедовские фотографии, а потом и вовсе исчезли из моей жизни. Остался у меня один настоящий, единственный, любимый, надёжный друг – Рома. Ну да, я женился – это как-то нас на какой-то период отдалило, но потом – тогда, когда мы с женой разошлись (кого я обманываю, жена меня бросила, забрала ребёнка и ушла к другому), костёр нашей дружбы разгорелся с новой небывалой силой. Он – холостяк, я – в разводе, так чего рассусоливать? Деньги есть, веселись от души, а верный друг тебя всегда поддержит. Мы с Ромой одноклассники, через пять лет наш ждёт рубеж – сорок лет – надо

брать от жизни всё. Ну, не так уж мне много и надо: многое запретное, типа наркотиков, меня никогда не интересовало, а в остальном я старался придерживаться меры. Рома меня в этом поддерживал и никогда не переходил черту допустимого разврата, отделяющую веселье от топких болот неизлечимых пороков.

Кажется, три года назад он приобрёл свой форпост, я тогда ещё пытался играть в семейную жизнь, хотя она мне никогда не нравилась, а роль заботливого папочки напрягала – и это несмотря на то, что своего сына я любил по-настоящему, но вот его мать всё портила – портила своей заботой, претензиями идеями, своим существованием со мной в одной квартире, наконец. Это нелюбовь, что поделать, такое бывает, случается с людьми каждый день. Мне трудно ей желать счастья, после всего того, что она мне наговорила и натворила, но теперь мой ребёнок с ней, а значит, пусть она будет себя чувствовать настолько хорошо, чтобы с моим, нашим сыном всё было в порядке, и он вырос полноценным, здоровым человеком. Так... Я немного отвлёкся. Да, Рома приобрёл дом – дом на краю леса, в трёх километрах от дачного кооператива, на отшибе цивилизации. Узнал я об этой его покупке не сразу, а через несколько месяцев. И не то чтобы он скрывал, а как-то так вышло – не было повода рассказывать, он доводил свой форпост до ума и ещё что-то в том же роде. Но было и то, я чувствовал, что Рома не горел особым желанием рассказывать про дом – не мне, а вообще кому бы

то ни было. Знаете, как бывает, даже близкому другу не стоит рассказывать подробности своих постельных утех. Вот и для него этот дом был в своём роде чем-то интимным – ну, по началу – это точно.

Ничего не вечно под луной, всё течёт, всё изменяется – и вот наступил момент, когда он меня познакомил со своим форпостом. Познакомил, чтобы я знал, что он есть, но пускать меня в близкие отношения с ним не спешил. Приглашал посетить каменный, серый особняк под бордовой черепичной крышей, прячущийся в тених елей и сосен, редко. Всего я там был три раза. У меня сложилось впечатление, что звал он меня туда, только когда у него что-то такое не срасталось, а он уже настроился на определённый лад, и чтобы совсем уж не менять планы в таких случаях, он звал меня.

Значит в этот раз Рома меня тоже позвал, когда не спрслось – в четвёртый раз. Что в предыдущие наши посиделки в форпосте, что сегодня, вёл он себя вроде бы не зажато, но не так, как всегда, был не таким, каким я привык его видеть. Вроде бы всё то же – пили, балагурили, но... Как бы это точнее объяснить... Если только на примере: Рома никогда не отказывался от женского общества, а находясь здесь, он на все мои предложения о том, чтобы пригласить девочек, реагировал отрицательно, отнекивался, называя какие-то уж совсем неубедительные причины, порой, для меня смешные. Ладно, его дом – его правила, я не настаивал.

Мы выпили совсем немного для нас, послушали музыку,

и я пошёл спать. Сегодня Рома был ну уж через чур мрачен, просто поставил рекорд по унылости даже для этого места. Поэтому, когда мне надоело делать попытки вывести общение на обычную высоту весёлого, непринуждённого трёпа, я плюнул и, выпив на сон грядущий ещё сто грамм виски, пошёл к себе в комнату. А ведь на улице даже не стемнело, послеобеденное время – самое-то, чтобы веселиться, а вот на тебе, – с досадой, думал я. Рома как-то вяло пытался меня удержать, но быстро сдался.

Заснул я почти мгновенно, это в городе меня, бывало, понимала бессонница, а здесь свежий, пропитанный хвоей воздух, да ещё и алкоголь – вырубил меня за минуту. Как вырубил, так неожиданно и вставило. Что-то выдернуло меня из сна. Пока мозг не спешил включаться, я нашарил на прикроватной тумбочке телефон и посмотрел на время. Всего я проспал два с половиной часа. Оконные стёкла отсвечивали розовым – время раннего июньского вечера, до полного заката ещё часа три.

И вот опять! Наконец до меня дошло, что меня разбудило и почему так резко включило. Девичий голос, голосок – звонкий, высокий, доброжелательный. Неизвестная мне девушка спрашивала или предлагала: «А если так? Да? Возможно, так лучше?»

Интересно: девушка, да откуда она взялась? И что они там с Ромой делают? Мысли о сексе я отринул сразу. Когда занимаются любовью, с такими интонациями в голосе не гово-

рят. А потом там фоном играла музыка – не знаю название группы, а песня очень хорошо мне знакома – вояж-вояж – французский взрыв мозга из 80-х годов. Надо пойти узнать. Я встал, натянул джинсы, одел рубашку и пошлёпал в просторную, но темноватую и всегда прохладную гостиницу. И вот, что я там обнаружил:

Гостиная перестала утопать в тени, но, что меня радовало (не люблю жару), оставалась прохладной. Так вот, просторная гостиная стала ещё более просторной из-за того, что теперь была хорошо освещена. Рома включил люстру, прячущую в своём хрустальном теле с десятков мощных светодиодов, и тени всосало в углы, а стены, вроде как, отошли назад под напором потока света.

Рома стоял перед шикарным мягким чудищем, огромным монстром – темно-коричневым диваном, покрытым пушистым кремовым пледом, – и прижимал к лицу фотокамеру приличных таких размеров, профессиональных, я бы сказал. А на диване, да, на диване, подобрав ноги, сидело чудо – молоденькая, тоненькая, но фигуристая девушка, светленькая и воздушная. Милое личико, гладкое и какое-то дышащее молодостью и здоровьем, какая-то не то маячка, не то невесомая кофточка, короткая, но не до неприличия, юбочка. Я вошёл, и она на меня посмотрела, не перестав мило улыбаться – улыбка не во все тридцать три акульих зуба, а едва заметная, блуждающая, спокойная.

Признаться, несмотря на всю привлекательную внеш-

ность девушки, меня в ней зацепило не личико или весьма значительные упругие достоинства фигуры, а то, на что обычно большинство людей не обращает внимание – её пятки. Да-да, её чудесные пятки – медовые, и не потому, что они на вкус такие сладкие – да и откуда бы мне об этом было знать? – а из-за того, что их цвет напоминал мне оттенок цветочного мёда, и будто изнутри светятся.

– О! Ты проснулся? – наконец заметив, куда смотрит девушка, Рома обернулся в мою сторону. – Знакомься. Это Вика. Она пробы проходит.

– Я – Сергей, – представился я, а потом, после того как услышал подтверждение из розовых уст девушки того, что она – действительно Вика, задал естественный в таких обстоятельствах вопрос: – Что за пробы? – Мой вопрос прозвучал громковато, а всё потому, что французская певица закончила путешествия в глубины собственного я, и музыка смолкла.

Роман, будто меня не услышав, продолжил:

– Вика приехала, пока ты спал. Она раньше должна была, да не смогла.

– Да, я думала, что у меня сегодня не получится. Квартирная хозяйка обещала заглянуть к нам, посмотреть на квартиру. Она жутко у нас подозрительная, проверяет нас каждый месяц. А двух других девочек, – мы все моделями в агентстве «Серебряная Луна» работаем, – что со мной живут, сегодня нет в городе. Но хозяйка перенесла визит на зав-

тра, а я освободилась.

– Нам повезло, – сказал Роман и улыбнулся улыбкой довольного Чеширского кота, увидевшего, что хозяйка оставила на столе открытую банку со сметаной.

Правда, я не понял, кому повезло и почему, но это ладно, а вот какие это пробы – тот вопрос, что не давал мне покоя. И я открыл рот, чтобы снова его задать – я, знаете ли, упорный, не люблю того, что недопонимаю. Роман, хитрый чёрт, меня опередил, понял, что я сейчас начну что-то выспрашивать, на что он не хотел отвечать – сейчас, по крайней мере, не хотел, – и пояснил:

– Извини нас, мы тебя потревожили. Но ты не беспокойся, мы сейчас уйдём. Продолжим съёмки на природе. Ок? – вопрос он задал, как я понял, одновременно мне и Вике. Я промолчал, поняв, что лучше другу не мешать, а Вика поинтересовалась:

– Натурные съёмки? Да, ты говорил, что фильм будет о путешествиях и много придётся сниматься на открытом воздухе. Замечательно, – Вика прыгнула с дивана, – я готова.

До меня стало доходить... Мой друг, такой затейник и старый прохвост, освоил новый метод съёма девушек. Он знакомился с моделями, с начинающими актрисами (студентками каких-нибудь театральных училищ) – ну, так мне это представлялось – ведь логично? – и приглашал их сюда, типа, на фотопробы к будущему фильму – своему шедевру. Понятное дело, что никакого отношения к киноиндустрии он не

имел, и теперь становилось ясно, почему он себя со мною так себя вёл. Ещё бы! Рассчитывал на свидание с такой сногшибательной красоткой, судя по её взглядам, бросаемым в его сторону, готовой на многое ради получения своей первой роли на большом экране, а пришлось довольствоваться общением со мной, что тоже не плохо, но не после таких обломов. Но вот что мне не понятно, так это конкретная технология – как Роме удавалось приманивать, заманивать на съёмки девушек, а то, что это было не в первый раз, можно считать состоявшимся фактом. Что он им говорил, как втирался в доверие, что предпринимал, чтобы не сгореть по ходу пьесы. Ведь наверняка у творческих людей свой жаргон – словечки там разные, позы, взгляды. Значит, он готовился, а мне об этом ничего не рассказывал, засранец.

– Кино, говоришь? – нарочито серьёзно спросил я Рому. – Это хорошо. А на природе – особенно! – Для убедительности я поднял вверх указательный палец.

Рома понял мой подкол, осознавая свою вину (я надеюсь), засуетился, подошёл, и просительно заглядывая мне в глаза – уж больно, судя по этому его взгляду, ему Вика приглянулась, – проговорил, глотая некоторые буквы, потому что во рту пересохло:

– Ну ладно, мы пойдём, – получилось у него: «Ну адно, мы пойём», – а ты... ты, чтобы не скучал, посмотри кино какое-нибудь. У меня там, около телевизора, диски старые есть. Там фильмы с прошлого века – всё как ты любишь.

– Да ну! Диски? Вот это да! Здорово. Ну а вы там тоже не скучайте. Ну а я пойду диски смотреть, – это я громко сказал, а проходя мимо него, чуть слышно заявил, чтобы только он меня услышал: – Волшебный пиз*обол, ты мой должник.

Через пару минут Рома и Вика ушли. Рома навесил на себя ещё пару чудных фотоаппаратов в комплект к тому, которым он до этого баловался, взял штатив и камеру. Вика же взяла только куртку, да и обула свои медовые пяточки в золотые босоножки – полный улёт, восьмидесятый уровень фетиша.

Когда они ушли, я последовал совету Ромы – пошёл смотреть фильмы. Ну а что мне ещё оставалось, не портить же другу всю малину? Тем более телек у него был классный – в полстены, с какой-то новомодной технологией присутствия, сверхчёткого изображения.

Коллекция у него была так себе. Немного старья неувядающей классики ужасов 80-70-х годов – сейчас так уже не снимают, – несколько боевичков, пару мелодрам, эротика. В общем, бери что хочешь. А ещё за всеми дисками, в уголке лежал диск в белой обложке, на которой ничего не было написано. Я его взял в руки, повертел, положил на место, взял диск с названием «Культия» – если не смотрели, то советую, отменный трешачок, – и снова вернулся к безымянному диску. Скорее всего, там было порно, ничего необычного, но почему-то мне хотелось посмотреть, чем это мой друг себя и своих гостей возбуждает. А может, это на меня так

подействовала эта Вика. Не знаю, да плевать. Открыл коробку и засунул диск в щель проигрывателя. Удобно разместившись на диване, я включил кино... Бля, лучше бы я этого не делал, лучше бы я в детстве ослеп. Рома, тот самый Рома, которого я считал отличным парнем, моим другом, преобразившись во что-то тёмное, мне не известное, под звон хирургических инструментов пытается девушку. Стоны, нечленораздельные крики жертвы, его возбужденное сопение и БОООООЛЬ. Так много боли, что мне стало физически плохо, меня тошнило, пульс играл в скачки с препятствиями. Долго такого зрелища я не выдержал, выключил фильм этого любителя-маньяка...

Чтобы успокоится, пробую спокойно посидеть, закрыв глаза. Но становится только хуже: на внутреннем экране продолжает крутиться мерзкое кино – брызгает кровь, глаза лезут изо орбит, и этот... эта тварь с совершенно нечеловеческим лицом ходит вокруг с какими-то кривыми ножницами вокруг жертвы. Тьфу, сука, мой приятель – оборотень, разве что шерстью не обрастает, а так форменный зверь. Да ещё это его странная застывшая маска вместо лица, если бы я его так хорошо не знал, то мог подумать, что это не он, а кто-то отдалённо на него похожий. Но это он! Он.

Да, что же это я туплю? Некогда тут расслаживаться. Он же Вику увёл куда-то в лес – и не для того, чтобы устроить ей фотосессию, хотя и это тоже, но не в той форме, что она ожидает. Надо спешить. Очевидно, что занимался он этим

паскудством не в доме, у которого, как я заметил, даже подвала нет, а где-то в другом месте, но рядам, иначе бы не имело смысла.

Я выбежал из форпоста и рванул в сторону леса, по тропинке. Очень скоро я выдохся – из-за сильного волнения пришлось перейти на быстрый шаг. Да, так будет правильно, и дышать мне нужно не как загнанная лошадь, если я хочу спасти девушку. И как же это он про диск-то забыл? Неужели Вика так понравилась, что у него в голове от его скотских желаний помутилось? Или он просто забыл? Правда, я слышал, что такие убийцы ничего не забывают, но ведь и монстры иногда расслабляются, делают ошибки, а в противном случае, как бы их тогда ловили.

В поисках мне помогает или бог, или дьявол, а скорее – обстроившаяся в экстремальных обстоятельствах интуиция. По тропинке, через чащобу – к полянке. Оттуда, с полянки, слышно, что там кто-то возится. Перед самым просветом я свернул в сторону, подобрался со стороны кустарника. Раздвинул ветки и вижу, что маньяк Рома сидит на животе актриски и с энтузиазмом во взоре душит её. Вика уже закатила глаза, пальцы уже даже не скребут, а вяло гладят руки подлеца, ещё несколько секунд и Вика всё – потеряет сознание, чтобы проснуться в аду. Только её ноги пока активны – они попеременно стучат о землю, а ступни опять голые, туфель нет, должно быть, слетели во время борьбы.

Рывком из кустов и быю по-футбольному с ноги в чер-

дак маньяка. Хорошо так попал – в затылок. Рому мой удар сбивает на сторону, он с трудом приподнимается и выдает неопишное:

– Ты чего? – плаксиво так спросил, обиженно. Больно ему, маленькому.

Чтобы он понял, ещё раз награждаю его за заслуги перед сатаной – бью и попадаю голенью прямо чётко в челюсть. Гражданин маньяк в отрубке. Оборачиваюсь и смотрю на Вику. У неё юбка задралась, видно розовые трусики, а сквозь приоткрытые веки – две полоски глазных белков, из правой ноздри ползёт тёмный червячок крови.

Оглядевшись по сторонам, я обнаружил на краю поляны то, что и ожидал – куб хижины из бруса, сверху обшитый листами жести, выкрашенными в цвет бычьей крови. Размер хижины – 4х4 метра. Уверен, ну вот просто на сто процентов уверен, что где-то рядом этот урод устроил своё частное кладбище, и, прибывая в отменном состоянии духа, периодически подрачивал на могилы своих жертв – такое у меня сложилось впечатление после просмотра пяти минут его сраных записей. Уёбок, мать его. Но проблему с ним никто, кроме меня, не решит.

У меня есть выбор, два пути: или сдать его в полицию; или... Я себе не прощу, если пушу всё это на самотёк. Это нужно сделать, это правильно. А вот полиция может и меня сделать виноватым – пособником, а маньяк своими показаниями им поможет – отомстит мне за то, что кайф ему об-

ломал, да рожу начистил.

Вика очнулась и сразу заорала. Точнее, заорать у неё не получилось, хотя, судя по раздувшемуся от натуги горлу, очень и хотелось: из её рта вышел протяжный хрип, бурлящий из самого живота, продирающий травмированное маньяком горло, и выходящий наружу дергающей судорогой воя. Она смотрела не на валяющегося падалью маньяка, а на меня – смотрела ошарашенным взглядом квадратных глаз и орала-хрипела-выла. Её следовало как можно скорее успокоить, если я хотел успеть воплотить задуманное в жизнь.

– Тихо, тихо, тихо, – начал спокойно, не повышая голоса, уговаривать я, – я тебе ничего не сделаю. Уже всё. Видишь, – я указал на маньяка, – я его вырубил, он больше тебе не опасен. – Она слушала меня и больше не орла, но стоило мне сделать паузу, как Вика снова захрипела. – Спокойно, я тебя не трону, не трону. Если хочешь, то можешь уйти прямо сейчас.

Вика стала дышать ровнее, её затрясло, а самое главное, послушав меня, она больше не пыталась драть горло. Пока она сидела, приходила в себя, я взял чудовище за лодыжки и поволок к хижине. По пути я ещё раз посоветовал Вике:

– Думаю, тебе лучше уйти. Иди, скоро стемнеет, а ты в таком состоянии, что и заблудиться не долго. Извини, проводить тебя не могу. Дела у меня, как видишь. А дела такого рода надо доводить до конца.

Девушка потешно шмыгнула носом, втянув в себя обрат-

но свою кровь, кивнула головой. Ну вот и ладно, она меня поняла, умничка. А лишние свидетели мне ни к чему.

– Прощай, Вика, и забудь обо всём, что здесь произошло, – сказал я ей на прощанье.

Конечно, она ничего не забудет. Невозможно. Как такое можно забыть? Если только себе башку строительным сверлом просверлить и выпустить наружу все свои страхи и плохие мысли заодно вместе с жизнью, тогда, да, забудешь все – универсальный способ. Вике я такого не желаю, это мысли о себе самом, а не о ней. Она выберется и побежит заявлять в полицию, обязательно побежит... А может, не побежит? Не стоит себя обманывать, убаюкивать – очень хочется, но не стоит. Но всё равно, всё равно я должен это сделать – сделать самое значимое в моей жизни, совершить настоящий мужской поступок, которым можно будет гордиться. Так редко нам представляется шанс проявить себя с лучшей стороны. Люди, особенно мужики, раскрываются в чрезвычайных обстоятельствах – на войне, в тюрьме, или вот в таких обстоятельствах, в которых я, по воле случая, оказался сегодня.

Вика встала с вечерней, холодной земли, встала из тени, чтобы вернуться к жизни, уйти отсюда и не возвращаться. Она пятилась спиной назад, к тропинке, а юбка так и осталась задранной на бедрах. Трусиков я её, правда, больше не видел, как и ступней, утопающих в зелёной травке. Двигалась она медленно, слегка заторможено, будто находилась под веществами. Я отпустил одну ногу маньяка и нетерпели-

во помахал ей рукой:

– Ну иди, иди! – прогонял её словно бездомную собачонку, увязавшуюся следом, от такого сравнения мне даже стало стыдно.

Она вроде послушалась, ускорила и скрылась за деревьями, покинув полянку. Супер. Вика ушла – я затащил маньяка в хижину. Нашупал слева от двери выключатель, включил свет, осмотрелся. Да, так и есть, он здесь устроил для себя индивидуальный кровавый рай. Здесь он был господином, а они, другие, такие слабые и податливые его чёрной воле, – дешёвыми вещами, с которыми весело играть и не жалко сломать, а даже нужно сломать, уничтожить самым извращённым способом – в этом смысл игры. Рай – для него, ад – для его несчастных жертв.

Стены укутаны в полиэтилен; в полу ложбинка кровостока, подныривающая под треугольник правого дальнего угла; один старый диван-книжка; два стула по центру: один – железный, голый, чёрный; другой – как из 19-го века, мягкий, позолоченный, с резной спинкой, сразу видно, что предназначен для его царственной жопы. Ещё слева стоял жёлтый, деревянный шкаф, не открывая его, я уже знал, что там может храниться – инструменты гнусных пыток там, наверняка, лежали, ждали своего страшного часа. Сразу я не заметил пару крюков, торчащих из стен, и ещё одного, свисающего с потолка. Да, и самое, на мой взгляд, жуткое – сам свет, его режущая нормальный глаз ненормальная яркость. Десятки

лампочек, распаханные по всей камере пыток – чтобы, не дай бог, ничего не упустить из мучений жертв, чтобы высосать их муки до последней капельки, проглотить и слизнуть остатки из открытой, развороченной болью раны души. Всё. Нет, простите, ошибся. Ещё – запах. Вроде бы везде чисто, грязи нет никакой, а сквозь отчётливый запах дезинфицирующих средств назойливо проступал, пропихивался в носоглотку, как синие ступни невостребованного родственника покойника высовываются из-под короткого савана, тошнотворный смрадик смерти.

Верёвки я снял с дивана, и связал ими опасного урода – связал крепко – подтянул ноги к затылку так, что он не мог их опустить, не придушив сам себя при этом; голова приближалась к лопаткам. Он уже перестал быть вялым, члены его стали еле заметно подрагивать. Маньяк лежал на животе, а я стоял над ним, сжимая в руках что-то похожее на насадку для лома, тяжёлое, предназначенное для борьбы с гололедицей – эту железяку я нашёл под диваном, когда распутывал верёвку. Я стоял не только над ним, но позади него, видеть меня он не мог. Хорошенько так размахнувшись, от души, уже было отпустил свой импровизированный молот в полёт, как услышал скрип открываемой двери. От неожиданности я основательно струхнул, мог и опозориться, но пронесло – в смысле, сдержался. Я обернулся. Она не ушла. Так я и думал – не думал, а чувствовал – где-то в подполе сознания ворочалось ожидание чего-то подобного. Вика стояла на пороге

и смотрела, не моргая, совсем как змея, или нет, как плотоядное насекомое, – смотрела на того, кто хотел её разрушить и кончить от изуверского способа её смерти, от надругательства над её прахом.

– Уходи! – потребовал я, хотя знал, что теперь она никуда не уйдёт.

– Нет! – твёрдо, с железным скрипом в голосовых связках, ответила Вика.

Я пожал плечами и не стал спорить. Для меня её присутствие здесь и сейчас было лучше, чем отсутствие. Навряд ли после того, что она хотела увидеть, Вика меня заложит.

Пока мы общались, зверь очнулся, замычал, и я ударил наконец, освободил свой молот, отпустил его в короткий полёт к мокрому поцелую с плотью гнуса. Раз – убийство... Убийство! Я убил человека... нет, я уничтожил порождение зла, смертельно опасную гадину, избавил мир от очередного кровавого выползня.

Когда всё кончено, но ничего ещё не кончено. Говорю Вике:

– Пошли на выход, нечего здесь больше делать.

Неудавшаяся актриса снафф-муви упрямо замотала головой и продолжала неотрывно смотреть на труп её обидчика. Я пытался до неё достучаться. Может, у неё это шок?

– Послушай, мне осталось прибраться, закопать тело. Понимаешь? Ну?

Нет, бесполезно, я только время терял. Вот упрямая, я же

не её психолог, чтобы вникать в её заскоки. А время-то уходит, скоро совсем стемнеет. Ладно, по-честному, меня больше волнует нечто другое – и это не то, что я убил – не, не убил, а совершил казнь (что же, я теперь плач получается? Потом, потом будем рефлексировать), – лопата, чтобы всё решить, нужна лопата. А она точно должна быть. Раз её нет в комнате пыток, то она должна быть где-то рядом. Всё-таки очень удивлюсь, если у этого гада где-то поблизости нет своего собственного кладбища. Оставив Вику грустить в одиночестве, смотря на сотворённое мной праведное зверство, пошёл за лопатой.

Лопату я нашёл за хижинкой, а недалеко я обнаружил и кладбище – с дюжину прибавленных убийцей земляных оладий бугорков. Ну, тревожить невинноубиенных, закапывая рядом с ними их же убийцу, я не стал, конечно. Могилу, нет, яму я решил копать у ближайшего холма, вспучивающегося плешивой глиняной болячкой в метрах двадцати от задней стенки хижины, сразу за небольшой ложбинкой. Определив место похорон, я решил вернуться назад за телом, боялся, что после работы землекопом, у меня не останется сил тащить мертвеца в его новый дом. У меня и сейчас уже дрожали колени, и голова кружилась. Убивать – такое себе развлечение – не для нормальных людей, точно. На подгибающихся ногах я побрёл за трупом.

Около двери я остановился, чтобы перевести дух, и услышал звук... да, точно, звук воды – тихое журчание то ли ру-

чейка, то ли горной речушки. Журчало определённо из-за двери. Что за чёрт? Что там происходит? Я осторожно, словно боясь обжечься, приоткрыл створку двери на одну ладонь, одним глазком заглянув внутрь... Чудеса, да, такого я представить себе не мог – это с моей-то буйной фантазией! Актриса Вика стояла ко мне лицом, у мёртвого маньяка в изголовье, её юбка была приподнята и скручена к пупку, она стояла широко, чуть подогнув, расставив ноги и мочилась на кровавое месиво, что я сотворил из черепушки Ромы. Вот тебе и ангелочек, жертва, да ей только во взрослом кино сниматься, цены бы ей не было. Теперь её пятки не были медовыми и больше уже никогда не будут. Фантазии, мои глупые фантазии, – с грустью подумал я. Не будут, а может, никогда и не были...

Три щелобана

Я забрал свои вещи из палаты, из вещевого, и пошёл на выписку, к своему лечащему врачу. Ну, оделся во всё своё цивильное, только на ногах сандалики пока оставил – переобуюсь после выписки, перед выходом на улицу. Спустился на первый этаж – повезло, очереди не было – взял выписку, и когда вышел из кабинета, на радостях прокричал, подсознательно копируя известно пушкинское изречение, в потолок что-то вроде «Ёпта, ай да я!». И тут же в правое ухо мне прилетело:

– Эй, потише! Здесь же больница, молодой человек.

Смотрю, а это на меня, на раненного – правда, уже выздоровевшего раненного, – хлыщ в белом пиджаке наехал. Гладенький, упитанный, но без лишнего веса, а с ним рядом стоит пожилая пара хорошо одетых пенсионеров – значит, хлыщ – это их сынок. Ну, сейчас. Во мне взбурлила жажда пролетарской справедливости и я выдал:

– Чего? – зловеще протянул я этаким рыком низким, чтобы сразу указать хлыщу место в иерархии существ человеческих.

А он почему-то не испугался и очень так уверенно повторил:

– Материться прекрати.

Не, он не понимает. Как же мне ему объяснить-то так, что-

бы он здесь и сейчас же на койку больничную не прилёт – благо и ехать никуда не надо, – а я не присел из-за буйного нрава своего. Кстати, до ранения я таким вспыльчивым не был, но и таким жизнерадостным тоже. Ранение в голову – это вам не фунт изюма, всякие последствия вызвать может. Мне на передке хорошо прилетело – думал, что пришла моя последняя минутка – ангел-хранитель спас, вывез. Я без шуток – об ангеле-хранителе, верю в это явление на сто процентов. Ангел-хранитель, правда, как понимаю, не всегда рядом, не всегда бодрствует, не знаю, куда он пропадал иногда, но сейчас случился именно такой денёк, надо же. Ангела нет – я быканул. Подорвался, вильнул между пенсионерами и к нему. Натянул его плечи к коленям и... Ну, бить я его не стал, но наказать – вот это другое дело. Хлыщ дернулся, но хватка у меня железная, – не смотри, что пять месяцев в больнички провалялся, отжимался и приседал я регулярно, хоть и нельзя было, – скрутил его, не вырвешься. Пока он пыхтел, продувая себе промежность, отвесил ему по макушке три резких, смачных щелобана. Нашелкал и отпустил его, а сам в кресло сел, чтобы переобуться в уличное. Родители хлыща испуганно хлопали глазами, не пробуя его защищать, что необычно. Ведь почти все на их месте, а старики особенно, бросились бы своё чадо защищать.

Хлыщ бодро поднялся в стойку: глаза горят, щеки красные. Ба! Как же это я сразу не заметил – это же не хлыщ никакой, а доктор в халате белом, а не в пиджаке, как моему

потерпевшему уму привиделось. Старики, значит, не родители ему – пациенты. Причуды моего восприятия цветов и предметов после ранения сыграли со мной злую шутку. Но давать заднюю не люблю, видя настрой доктора, предложил совсем как дворянин прежних времён, ну почти, вышло само-собой, не специально:

– Хочешь удовлетворения? Пожалуйста. Всегда готов. – Прозвучало, надеюсь, иронично, может, он поймёт и не захочет продолжать.

Запыхтел наш доктор снова, со стороны могло показаться, что он от страха задрожал, ан нет – просто часто задышал.

– Пойдём! – заявил доктор. Не ожидал, не ожидал от него такого, молодец. Посмотрим, что дальше будет.

Оставил я сумку с вещами на сидушке, ботинки задвинул под сидушку и пошёл за доктором. Интересно, а куда он меня ведёт? Махаться в тубзик? Судя по его виду, дрался он, если вообще дрался, последний раз в младшей школе. Ему только интеллигентских очков не хватало до полной картины укоренившегося в народном сознании штампа о таких субъектах.

Так, повернули налево, пошли вглубь здания, запетляли. Правильно, больница наша – это лабиринт, в котором доктор, оказывается, ориентировался отлично. Настолько отлично, что я потерялся – перестал соображать, где мы находимся. Наворачивали круги, наворачивали и вышли в вестибюль, к выходу на улицу. Вот тебе и на! Не знал я этого пути,

а доктор знал, видать, не новичок. Народ шастает туда-сюда – день посещений больных – родственники, друзья, активисты пришли проведать героев (госпиталь-то военный), несут выздоравливающим горы вкусной еды и теплую, искреннюю заботу в сердце, что важнее. Доктор шмыг за турникет, я за ним, а он развернулся и к стеклянной будке, где охранники бездельничают. Ну, тут я догадался, куда он меня вёл – не на честную драку – это точно. Я ему вдогонку только и успел сказать:

– Да ну брось, ты серьёзно?

А он, конечно, серьёзно, такие типы всегда серьёзны. Не отвлекаясь на меня, он охранникам:

– Видите вот этого? – И на меня пальцем тычет. – Больше его к нам не пускайте.

Тут меня опять слегка (слегка! заклинило: я к нему, а он так ловко вильнул и за спинами рослых охранников спрятался, увидал, значит, в моей перекосившейся физиономии недоброе. Ну, в общем, меня вывели. Спорить, доказывать, что я пока ещё пациент, не стал. Не видел смысла. Я поступил по-другому. Естественно, хотелось устроить махач, навести справедливость. Но зачем мне эти приключения? Не успел выписаться и – ага!

Вывели меня – бережно, под ручки, без хамства, – а там такая лестница в ступеней двадцать вниз – она мне чем-то лестницу из фильма Эйзенштейна «Броненосец Потёмкин» напомнила – не удивляйтесь, я не любитель, просто в детстве

одним из первых фильмов своих посмотрел – вот и запомнил, всплыло, говорю же, ранение в голову – штука насколько опасная, настолько же и интересная. Мозги после свинцовой встряски стали совсем по-другому работать. Пока меня оттесняли на улицу, доктор семенял за спинами охраны. Спускаться он с нами не стал – встретил каких-то знакомых врачей, поручкался с ними и стал им что-то взахлёб рассказывать, на меня руками показывая, те тоже на меня вылупились. Ничего, смотрите, не возражаю. Глазели они на меня до того момента, когда я завернул за колонну. За колонной постоял, скурил две сигаретки, помедитировал, смотря в серое сентябрьское небо, а когда решил, что хватит ветру лицо подставлять, пошёл обратно. Это, друзья, верный способ, – если вас откуда-то выгнали, не надо отчаиваться и ломиться обратно сразу, подождите и идите, тогда шансов вернуться – намного больше.

Во-первых, мне нужно было забрать мои вещи, а во-вторых....

Как я и ожидал, охрана на меня не обратила внимания. Там на входе два турникета. Пристроился за двумя тучными женщинами, нагруженными сумками со снедью, а когда они стали свои карточки временных пропусков прикладывать, я проскочил к свободному турникету, подлез под барьером – и вот я уже опять на территории больничного рая. Блудный сын вернулся. Пошёл за своими вещами напрямки, а не как доктор вёл – всё равно его путь не запомнил. Мне оставалось

пройти всего с десятков метров до площадки, где располагались несколько кабинетов и лежала моя сумка и ботинки, когда меня схватили за рукав. Я почти не удивился, только сердце ёкнуло – не сильно. Я повернулся и вижу – дедушка, тот, который мне вещи выдавал из вещевого кладовки, он ещё и просто гардеробщиком в госпитале работал, я несколько раз там, у вешалок, видел.

– Следует отблагодарить, а то неправильно как-то, – сказал непонятное гардеробщик.

– Ну чего ты, дед, пристал. Отвали, – ответил я на его претензии – беззлобно ответил, не понимал, о чём это он.

А гардеробщик не успокаивается, голос повышает:

– Я старался-старался, а он!

У меня в затылке заныло, запульсировал шов. На нас стали обращать внимание проходящие мимо люди. Что делать? Вцепился в меня, как рак в дохлую кошку. Ну и денёк. Что я натворил-то? Чем небеса прогневил? Я буквально тащил за собой деда по коридору и, между тем, подошёл к своему креслицу, где я вещи оставил.

– Ну что тебе надо? Объясни, – попробовал я вразумить гардеробщика.

– Как это – чего? – удивился дедушка. – Я ему ботинки почистил, помыл, а он «чего».

Тут я заметил, что мои гражданские ботинки, скучающие под сидушкой, буквально сияют. А х ты, чёрт, а я -то думал, что крыша едет – и у меня, и у него. Неудобно получает-

ся. Проявил старик инициативу. Наверняка, это у него такой нехитрый способ подработать – угодить выписывающимся солдатам и получить от них за услуги надбавку к нищенской зарплате и ещё более нищенской пенсии.

– Понял, дед, не пыли, заслужил, – обнадёжил я гардеробщика.

– Между прочим, они все в говне были, – выдал неожиданное дед. удивил неприятно. Ну, грязные немного, но не в этом самом – это точно.

– Ладно, не гони, не набивай цену.

– В говне! – не унимался старый, обиженный в благородных чувствах, фантазёр. – В говне! – ещё раз, громче прежнего проорал дедок.

– На, держи, не переживай, а то вставная челюсть выскочит.

Дал я ему сто рублей, может и больше дал бы, когда б он про говно не стал орать на всю больницу. И спасибо я ему не сказал, он же схватил купюру, засунул её в штаны и, бурча себе под нос нечленораздельное что-то, но явно нелицеприятное для меня, гордо удалился.

Собрал я свои вещички, обулся, а тут объявился он – мой крестник в белом халате. Хлыщ. Заметил меня и оторопел. А я ему, проявляя благородство (по началу-то я совсем не так планировал поступить):

– Да, приятель, вот так бывает. Ты их в дверь, а они в окно. Ладно, ты меня не бойся, не трону... пока, – обнадё-

жил я пациента. А что? Был доктор, а стал пациент. Что вы думаете, доктора никогда не болеют? Особенно, если им помочь. Шутка.

И здесь заиграл оркестр. Не вру, самый настоящий оркестр, вживую. Заиграл фальшиво, криво, но как-то душевно, по-доброму. Оказалось, что группа умственно отсталых, которая тихо сидела в дальнем углу, достала инструменты и вдруг стала играть – репетировать начали, что ли, или просто приспичило в неурочный час? И дирижировал ими (а у них был дирижёр!) точно такой же, как они, даун – ну, или кто-то там, в названиях умственных болезней не разбираюсь, уж извините, – да, взрослый, но с лицом ребёнка. «Трутуту трутуту трутуту трутуту туртутум». Сюр, конечно. Но мелодия знакомая. Может, что-то студенческое, слышал, когда в техникуме учился? Отличное окончание больницы истории. Чёрт с ним, с доктором этим, самовлюблённым хлыщом. Главное...

– Я здоров! – выкрикнул я, сразу обращаясь ко всем присутствующим – к хлыщу, к убогим оркестрантам, к пациентам, к богу

И тут же из кабинета высунулся мой лечащий врач, он с любопытством посмотрел на меня, на оркестрик этот игрушечный, а мне почему-то стало хорошо, легко, и я повторил:

– Я здоров! Меня вылечили!

Несчастные музыканты, услышавшие меня, перестали дудеть и стучать, и захлопали – меня стали поздравлять. Я за-

кинул рюкзак с вещами за спину, поклонился музыкантам, лечащему врачу, на прощанье помахал выпиской перед носом хлыща и ушёл – домой.

Дедайты

– Вот зачем ты нас сюда затащил? – ныла Василиса. – Я бы сейчас на пляже лежала, коктейль пила.

– Права Вася, чего мы в этих твоих горах не видели? – поддержал Василису Егор.

– Ребят, не судите Диму строго, вы же знаете, как оно бывает, – вступилась за своего парня Света, но как-то неуверенно вступилась – ей тоже топать три часа по козьим тропам да под июльским солнышком задолбалю.

Дима отмалчивался. Не хотел вступать в спор, иначе спор легко мог превратиться в перепалку, свой вспыльчивый нрав он знал хорошо и не хотел выглядеть перед друзьями козлом бесчувственным. Место лидера надо не просто заслужить, его надо выстрадать – в том числе, и в таких неоднозначных ситуациях. Вчера вечером, когда они сидели в кабаке, у моря, любовались закатом и пили лёгкое южное вино, Дима предложил организовать пикник на горе. И идти-то вроде бы было не далеко – всего километра три-четыре по побережью до горной гряды – ну, не полноценной гряды, а так, скопление пологих гор, поросших лесом и кустарником, – а там и того ближе до вершины, но и до самой вершины идти необходимости не было – там на полпути была каменная площадка с голубым прозрачным озерком и водопадом, который этот самый горный бассейн и питал. Экскурсии туда

не водили, потому как водопад неудобно располагался и нормальных подходов к нему не существовало. Прожжённые дикари-туристы и местные, конечно, знали о таком шикарном месте, а для общей массы отдыхающих существовали проторенные маршруты с удобствами – подъездные дороги, канатки, кафе и рестораны, винные дегустации и прочие блага тюленьего отдыха. Но ведь это скучно и не интересно, куда как лучше, если вы сами найдёте заповедное местечко и насладитесь в одиночку его красотой, – так думал Дмитрий.

Дима всех сагитировал, как он это умел, бодро начал, но потом, видно, свернул где-то не там – в чём он себе, не то что своим друзьям, упрямо отказывался признаваться, – и теперь вёл ребят по петле, пытаясь на интуитивную ощупь отыскать этот чёртов водопад.

– О! – весело, с надеждой и злорадным чувством победителя воскликнул Дима. Он увидел за кустами, что нависали на тропу сверху, или ему почудилось, что что-то подобное он уже видел на фото, которые выкладывали те счастливики, которым удалось дойти до водопада. – Смотрите! Мы на месте почти. – Когда Дима волновался или чему-то радовался, он всегда сплёвывал через зубы, получалось у него одновременно по-уличному залихватски и отвратительно обильно – особенно эта его нехорошая привычка бесила Свету. Вот и сейчас, почуяв, что и в этот раз окажется прав, он сплюнул.

Дима, почувствовав прилив сил от близкой удачи, побежал вперёд. Запрыгнув горным козлом в кусты, он раздви-

нул ветви и.. ничего. Никакой воды, никаких озёр и водопадов. По инерции он сделал ещё несколько шагов, левая нога поехала вперёд и вниз, Дима взмахнул руками, словно собирался взлететь, а потом провалился под землю. Сознания он не потерял, летел вниз всего метра два, приземлился жёстко, но без последствий в виде вывихов, растяжений и прочих переломов.

– Дима, ты как там? – услышал он над головой испуганный полушепот Светы. Нет, сначала был визг, потом топот и хруст, а потом Света заговорила.

– Братан, отзовись. Ни черта не видно. Ты где? – Это уже Егор старался наладить связь с потерпевшим.

Надо было что-то отвечать. Дима встал, проверил поясницу, покрутил шей, и сказал:

– Нормально. Порядок. Здесь яма какая-то, сейчас вылезу.

– Ну, давай. Тебе помочь? – Егор предлагал помощь. Теперь он, как и девочки, видел, как внизу ворочался Дима – глаза привыкли к тьме.

– Нет. Не надо пока. Я сам. – Да, настоящий лидер должен всё делать сам, без помощи других, если, конечно, у него есть на это силы. Но пытаться стоит в любом случае.

Правда, сразу Дима не стал пробовать покинуть темную прохладную яму, пахнущую сырой землёй и мокрой шерстью. Ему даже на ум пришло, что эта яма, куда он умудрился угодить из-за своего необузданного эго, могла быть бер-

логой зверя – медведя, например, – но потом, почти сразу, эту мысль он отбросил как глупую, потому что не похожа она была на берлогу. Какой же это медведь делает берлогу, вырывая её вертикально вниз. Аномальный мишка, не совсем в себе. Ну раз косолапый здесь не жил, а запах зверя можно списать на причуды восприятия потревоженного падением сознания, представлялась возможность исследовать земляной пузырь, всосавший в себя безалаберного путника.

Дима, предупредив друзей, чтобы они обождали минутку, и на что сразу получил от грубоватой Василисы шутку в её быдло-стиле, на которую реагировать сейчас не стоило: «Дима-то наш штаны замочил. Теперь тебе, Светик, застирывать придётся», – сделал пару шагов в сторону и огляделся. Берлога – про себя он так стал, всё же, яму называть, – представляла собой неправильную пирамиду, в основании которой лежали два овала, соединённые перемычкой перехода. Дима грохнулся в камеру овала, которая располагалась несколько ниже по склону, здесь было пусто – земля да несколько камешков. А вот в другой камере... Его влекло туда, он ничего там не мог различить, свет из дыры в потолке туда не пробивался, а его туда тянуло – тянуло больше, чем обычно Диму привлекали всякие неизведанные штуки, бросавшие вызов его мужскому началу – не так, чтобы сильно, но ощутимо, сравнимо с лёгким зудом, незаметно поселившимся между лопаток и никак не желавшим оттуда уходить.

Дима быстро абстрагировался от происходящего наверху,

голоса стали тише, их бубнёж доносился до него как сквозь толщу воды, он чиркнул зажигалкой, повесил перед собой мотылёк огонька и пошёл по переходу во вторую камеру пещеры гантели-пирамиды. Шаг, другой, шажок, ещё и ещё. Во второй камере было всё также, как и в первой, – земля, камней поменьше, – а ещё, у дальней стены в выемке у самого пола, на холмике непонятно черной, будто закопчённой земли лежала книга в железной обложке. И вот к ней-то и тянуло Диму. Ему бы удивиться: «Откуда здесь книга? Что за книга», – а он, вроде как, и обрадовался, вроде как, и долго её и искал, и вот теперь он здесь. Его толкало вперёд желание, а за грудь вперёд тянуло пальцами ледяного сквозняка, казалось, идущего от самой книги, в ней же рождающегося и в неё же уходящего.

Не пройдя, а буквально проскользнув на подошвах последние метры, Дима плюхнулся на колени рядом с книгой. Огонёк зажигалки задуло, но Дима прекрасно видел, у него словно кошачье зрение проклюнулось, да и книга светилась таким зеленоватым нездешним светом. Диму залихорадило, он вытянул руки над головой, а потом возложил ладони на рельефный рисунок обложки, изображающий женщин и мужчин с рыбьими хвостами и копытами, чокающимися кубками, наполненными червями и жуками, а над всем этим безобразием горел глаз квадратного багрово-чёрного солнца.

Только он прикоснулся к морозному металлу, как кожа его влипла, стала одним целым с книгой, а в мозгу зажужжал

сонм нечеловеческих голосов – басами, скрипучими дверями, битыми стёклами и кирпичами. В каждую клетку организма проникли звуки ужаса древнего мира, многие десятилетия ждавшие своего часа, своего носителя, того, кто породит их к жизни...

– Где тебя там носило? – спросила Света

– Да, брат, где? – Подключился к расспросам Егор. – Расскажи.

– Ну, Васька, же сказала что. Обосрался от страха. Штаны менял.

– Фу, как грубо, – сморщила нос Света.

– Стараюсь соответствовать.

– Не старайся. Я – недостижимый идеал, – объявила Вася, показав на удивление красный язык.

– Ладно, пора в путь, – прекращая дискуссию, сказал Дима.

– Куда опять? – возмутилась Света. И она не выдержала. Союзников у Димы не осталось.

– Действительно, Дима, пошли вниз. Ну их на куй, эти водопады.

– Чего вы разнылись? Не хотите, возвращайтесь. А я вперёд пойду. Тут идти осталось минут пять – и мы на месте, – и будто в подтверждение своего настроения Дима сплюнул, как он это умел, – смачно и далеко.

– Ты это час назад говорил, – пробубнила Вася.

– Выдумаешь ты всякий раз ерунду какую-то, а мы ве-

дёмся, – пожаловался Егор.

Ребята побурчали, повозмущались, но пошли за Димой – может быть, потому что авторитет его был пока ещё высок, а может, просто одним не хотелось спускаться вниз, ведь из всей их группы один Дима регулярно ходил в горы – да не в такие, а в настоящие, – ориентировался на местности, если не на отлично, то на удовлетворительно, и если до водопадов не дошёл бы, то назад точно бы друзей довёл. Не случилось. Шли они, после обнадеживающих заявлений Димы, не пять минут и не двадцать пять, а часа два, солнце стало садиться, окрашивая красивые пейзажи вокруг в алые цвета марсианских ландшафтов. Друзья Димы перестали нудеть, усталость из их тел ушла, растворилась в окружившей их со всех сторон красоте, а потом и вовсе мир вокруг изменился – перевернулся – туристы неожиданно оказались не в горах, а в краю холмов – почти тоже самое – и природа, и закат такой же, – но с нюансами. Ну а самый большой нюанс – это тот, что вот сейчас они были на горе, шли среди редких сосен, а сейчас уже брели по траве, взбираясь на холм, поросший низким, ползучим кустарником, украшенным неправдоподобно огромными алыми ягодами. Ребята не поняли, как такое возможно, где это они не там свернули, они лишь переглядывались, строили из лицевых мышц маски удивления, но молча, слов не находили. Лишь Дима вёл себя уверенно, как будто так и надо, упорно вёл их к одной одному ему известной цели. Вёл, вёл и привёл.

С того холма, на который он их затащил, открывался не только умопомрачительный вид на приморскую долину, но и они увидели на соседнем, самом высоком из всех здешних холмов, вкопавшийся в его вершину замок-бункер, бункер-замок – нечто среднее между готическим рыцарским замком и серым железобетонным бункером времён ВОВ. И приземистое, толстостенное, и рвущееся вверх иглами башен, обнесённое стенами, с центральной цитаделью, и с бойницами, будто предназначенными для тяжёлых пулеметов.

На закате, когда солнце стремительно таяло в золотой лаве вечернего моря, друзья подошли к воротам замка. Ворота были закрыты, но вот рядом они обнаружили стрельчатую дверь в стене. Дверь оказалась не запертой. Когда они вошли, то обнаружили, что попали не во внутренний двор замка, а сразу в широкий коридор, ведущий к высокой двустворчатой двери. С обеих сторон коридора тоже имелось несколько дверей, но уже обыкновенных, наверное, в какие-то помещения поменьше, типа опочивален, что ли.

Стоило входной двери с каменным стуком захлопнуться за незванными гостями, как раздался стук в эту самую дверь. Стучали настойчиво, нетерпеливо, будто куда-то тот, кто стучал, опаздывал или опасался чего-то.

Дима, взяв инициативу в свои руки, открыл вход нетерпеливому гражданину. На улице почти стемнело, а внутри замка, наоборот, горели, хоть и слабо, светильники – и ни какие-нибудь там, а обычные, электрические, стилизованные

под аскетичные лампы, освещающие военные бункеры – ничего лишнего, защитный матовый колпак в виде ванны и сама лампочка. На пороге стояла тень – это так по началу показалось из-за причудливой игры света и тени, – мужчина, закутанный в тёмно-фиолетовую рясу. Монах? Мужчина поднял голову и его бледное лицо с горящими на нём темными звездами глазами вынырнуло из-под капюшона. Да, суровой тип, не улыбочивый, примерно сорока с лишним лет. Носогубные выражены, суровая морщина между бровей, рот поджат, губы тонкие, бледные. Если он окажется не служителем какого-нибудь культа, я удивлюсь, – подумал Дима.

Одновременно с появлением монаха, из ближайшей ко входу комнаты вышла парочка – он и она. Они успели приблизиться, чтобы войти в контакт с остальными, но монах заговорил первым:

– Добрые хозяева, пустите на ночлег, не оставьте путника холодной ночью на улице, – попросил монах, по большей части, обращаясь к Диме, а для убедительности приложил к сердцу руку. Очень он странно строил свою речь, не по-современному, а так, как будто прибыл сюда из давно прошедших веков. Впрочем, говорил он без акцента, на правильном русском языке.

– Заходите, – вылезла вперёд Вася, – только мы не хозяева, а такие же... путники, как и вы. А хозяева – вот, – Вася указала на парочку, стоящую позади всех.

– Нет, мы тоже не хозяева, – вступил в разговор высокий,

худой мужчина, сразу отказываясь от чести быть владельцем замка-бункера.

– Мы с мужем сюда час назад пришли, – поддержала своего супруга чёрненькая, хрупкая на вид девушка, – заблудились в горах. Наткнулись на замок, двери были открыты.

– Да, двери были открыты, – подтвердил Егор, бесстыже разглядывая приглянувшуюся ему с первого взгляда незнакомку.

– Были открыты? – спросил монах. – Значит теперь мы их закроем, да не просто закроем, а закрём.

Монах так ловко взялся за дело, что остальные смотрели на него несколько растерянно – а чего это он так засуетился? Монах захлопнул с тем же каменным стуком дверь, сбегал в один угол предбанника, в другой, вытащил откуда-то железный язык запора, пристроил запор, а ещё нажал что-то на дверном наличнике и по дверному периметру выскочили стальные когти защёлки, намертво запечатавшие вход в замок до утра.

– А чего вы так испугались? – напрямую спросил Егор монаха. – И кстати, кто вы?

– Простите, я не представился. Меня зовут Власий.

Тут и остальные объявили свои имена. Молодожёнов, – а супружеская парочка оказалась молодожёнами, – звали Людмилой и Николаем Некрасовыми, они приехали на юг в свадебное путешествие, пошли на экскурсию в горы, отбились от группы. Вася от лица своей группы, в ответ на любез-

ность четы Некрасовых, кратко рассказала о их приключениях; один лишь Власий отмолчался, не стал объяснять, как он тут очутился, и вообще кто такой он есть.

Дима предложил, прежде чем что-либо предпринимать, осмотреть замок. С ним согласились все молодые люди, монах же выразил свои мысли по этому поводу следующим образом:

– Дельное предложение. По-видимому, нам предстоит провести здесь ночь, очень разумно проверить помещения замка, учитывая, в каких местах мы с вами очутились.

– А в каких? – робко поинтересовалась Света. Она страшно устала за день, ей хотелось спать, и, одновременно, она страшно нервничала. Ей не нравился этот замок, а ещё раньше ей не нравились холмы и те большие ягоды, которые, как роса, запачкали местные холмы будто каплями ядовитой крови. Почему ядовитой? Да потому, что она случайно раздавила одну ягоду, так у неё до сих пор ступня горела, хотя наступила она на ягоду обутой ногой – она сегодня утром специально сменила босоножки на прогулочные кроссовки.

– В нехороших, девушка.

Дима хотел было сделать замечание Власию, чтобы он девушек не пугал, но не стал в бутылку лезть, а просто подошёл к своей девушке и приобнял её, чем, он знал, раньше всегда её успокаивал.

Всем стадом, оказавшиеся в замке забредшие непонятно куда путники, пошли изучать доставшуюся им в наслед-

ство от невидимых, настоящих хозяев крепость. Двери с левой стороны коридора вели в слепые комнаты без окон, можно сказать, спальни, но без мебели. Двери с левой стороны: некоторые вели в маленькие комнатухи, где уже была кое-какая голая, без белья, матрасов и прочих атрибутов удобства, мебель; а другие – в помещения, в противоположных стенах которых тоже были двери, открывавшие путь в параллельный основному коридор. Дальше основной коридор упирался в двустворчатую дверь, открыв которую гости попали во что-то наподобие внутреннего храма, часовни. Очень странный это был храм. Вроде бы все атрибуты христианства на месте, но атрибуты эти словно пародировали его, а не продолжали. Кресты имели отчётливый фиолетовый оттенок, вертикальная перекладина, искривлённая в сколиозный позвоночник, но самой главное – вместо богочеловека, на кресте висела баба с бородой.

Миновав странный храм, пройдя ещё по одному г-образному коридору, ребята попали в большой зал, где лежали вповалку сломанные скамьи (из храма?), столы, валялись мягкие тюки, набитые сеном. В этом зале монах первым обнаружил ход на второй этаж, но в который решили не ходить. Во-первых, на лестнице не горел свет, а во-вторых, все так умотались, что решили заночевать прямо здесь – в этом зале, используя под постель тюки с сеном. Пускай от них разило тленом, и были они слегка сыроваты, но это всё пустяки, даже девушки согласились на такой вариант, лишь бы им

можно было уже прилечь. Быстро разобрали импровизированные постели, а уже через пять минут заснули...

Разбудили всех, по прошествии непонятно скольких минут или часов, звуки грома – им так показалось спросонья, – казалось, павшего из-под свода прямо им на головы. Очень быстро они поняли, это был не гром, а громopodobный демонический бас, вещающий на непонятном языке, лязгающим сталью и первородной ненавистью. То ли кто-то невидимый, но необыкновенно злой, творил чёрные заклинания, то ли читал богохульные молитвы.

Голос, блуждающий под сводами зала, вещал из церкви, через отдушину над дверью – люди быстро сообразили, откуда их уши подвергаются атаке. Сориентировавшись первым, монах кинулся в замковый храм, за ним побежали остальные.

В храме, перед алтарём, сидел на корточках, как какой-нибудь бывалый урка, одержимый, перед которым на каменных плитах пола лежала раскрытая книга – страницы прозрачные, похожие на стеклянные, испещрённые красными значками и жуткими рисунками, схемами. Одержимый – Дима, его трудно узнать, но это он, и одежда его, и начало его, а вот продолжение... Глаза Дмитрия стали бесцветными, лишились зрачков, приобрели вид хрустальных шариков; надбровные дуги выперли вперёд, вздулись; нос отрос, стал словно клюв у тукана; подбородок потяжелел, опустился раздвоенным экзотическим плодом на грудь; рот неведо-

мая сила растянула до ушей; руки превратились в похожие на грабли скрюченные клешни; грудь выгнулась бочкой, как у супового петуха; на спине вспучился горб; всё тело обросло чёрным мясом – особенно пострадали ноги, – а босые ступни невероятно увеличились в размерах и стали походить на узловатые корни старого дуба.

Пока туристы прибывали в ступоре от вида их товарища, монах даром времени не терял, он бодрым шагом направился прямо к дедайтю. Не доходя трёх метров до беснующегося в экстазе дедайта, Власий остановился, воздел руки к небу и пронзительно заголосил, пытаясь перекричать кипящую жутью бесовщину.

– Уймись зло, уймись! Схватись льдом трясина, засохни гной, окаменей лава! Изыди подлый легион, пропади навеки морок! – И после первой серии криков монах внезапно перешёл на фальцет и зачастил: – Отдай погубленную душу, верни её в тело, отдай погубленную душу, верни её в тело...

Судя по всему тому, что вытворял самозванный монах, Власий оказался бродячим экзорцистом – охотником на ночную нечисть. Не в первый раз Власий проводил ритуал, не в первый раз вступал в противостояние со злом – его энергичные увещевания подействовали на дедайта. Одержимый демонами вскочил на ноги, и его как-то всего скрючило, руки он выставил вперёд корягами, став похожим на карикатуру боксёра; шея неестественно, как у жабы, раздулась, повернулась на 180 градусов так, что его лицо, по-прежнему, смот-

рело на алтарь, а мокрый затылок слепо уставился на людей. В костях скелета человеческого тела, оккупированного тёмными силами, что-то захрустело, рот одержимого раскрылся и оттуда вышла туча жирных, блестящих, бликующих изумрудными блёстками скверной плоти мясных мух. Мушиная орда собралось в пончик под сводом храма, сложилось в подобие жала и стремительно полетела в охотника. На всё про все ушло не более секунды. Власий, не поддавшись на невозможность происходящего, успел увернуться от удара, кувырком приблизился к раскоряченному дедайт, попутно выхватив из-под рясы клинок, и сделал ложный замах. Дедайт тоже не растерялся, он весь перекрутился, как гуттаперчевая кукла – тело по часовой стрелке, голова – против, – и приготовился к прыжку.

Власий вместо того, чтобы ударить одержимого, резко ушёл вниз, схватил книгу, а потом встретил атаку дедайта – клинок в пузо, книгой по зубам. От живота дедайта клинок отпружинил, словно и не клинок это был, а резиновая палка, ударившая в бетонный блок, но вот угощение книгой демону не понравилось – от него нечисть отбросило назад. Дедайт затрясся то ли от боли, то ли от злобы, сплюнул через зубы зелёную соплю, взвыл и бросился бежать. Захваченный чувством азарта охотник бросился за ним в погоню. Остальные гости замка, наконец, немного пришли в себя, их отпустило – укол фантазмагии происходящего перестал действовать – и они ломанулись следом за охотником. Услышав, что за

ним топочут шаги, Власий, на ходу обернувшись, кинул через плечо: «Оставайтесь на месте! Не ходите за мной!», – но в горячке преследования его не послушали.

Сначала все бежали плотной группой – монах впереди, остальные за ним, – но стоило Власию повернуть на ближайшем перекрестке коридоров, как ребята его потеряли, а вскоре и группа распалась – как-то незаметно то одна пара, то другая отставала, не там сворачивала, терялась – и, в конце концов, перестала существовать, как единое целое. Замок-крепость разбросал их в пространстве, как игральные кости, вёл каждого своим путём – вёл к цели непонятной, но желанной, если не людьми, то силами непостижимыми им, пока ещё живым.

Охотник упустил дедаита, его закрутило в коридорах, и он сам не понял, как очутился в главном коридоре, у самого входа в замок. Он стоял, тяжело дышал и настороженно осматривался. Власий чувствовал, что не просто так его сюда затащили, что сейчас что-то должно произойти. Атмосфера нервного ожидания сгущалась, давила на душу склизкой пяткой могильного ужаса, зрение стало подводить охотника – в глазах двоилось, свет мерк, неуклонно стремясь оставить его слепым один на один с теми, кто ждал в темноте, кто жаждал его крови и мук – мук больше, чем крови. И когда тени накрыли Власия с головой, а чёрная дымка тумана загустела в желе, выползающее из дверных проёмов, как дым из печей крематория, из ближайшей к нему справа опочиваль-

ни полезли чёрные гробы. Гробы лезли, толкая друг друга, тёрлись боками, сдвигая крышки, лезли и в ширь, и в высоту. А из гробов на воздух рвались гнилые трупы – картофельные лица, свалявшиеся лохмы светящихся зелёным светом червей-волос, руки-судороги, перекошенные рваные рты.

Работа – работа экзорциста. Власий творил молитву, пасаами загонял покойников обратно в объятия смерти, откуда их насильно вырвали, чтобы они мстили живым. Ожившие домины одушевлены чёрным духом и требовали пристального внимания – их охотник тоже не обходил вниманием, не давал им раскрывать зев на жизнь, словами народных заговоров вбивал их назад, туда, откуда они выползли.

Власий так драл горло, так напрягал в борьбе все силы, что поджилки тряслись, пот катился градом, но он побеждал кладбищенскую рвоту, и как только последний гроб, клацая крышкой, отрубая пальцы своему жильцу, скрылся во тьме, на звуки его натужных стараний вышли супруги Некрасовы.

– Слава богу, мы нашли вас! – воскликнула Людмила. По её лицу видно, что она испугана. У её мужа лицо не лучше – бледное, словно мукой присыпанное. Набегались одни в полутьме и рады, что хоть кого-то живого обнаружили.

– Да. Повезло. Держитесь меня, – указал, а скорее, приказал охотник. – Надо возвращаться в храм.

Супруги дружно закивали. Все вместе, втроём, отправились в храм, но по пути произошло тоже самое, что и в предыдущий раз – они потерялись. Охотник шёл вперёд,

слышал шаги за собой, дыхание, их шепот – он спокоен, уверен, что Некрасовы идут за ним, потеряться невозможно, здесь прямой путь по коридору и поворотов нет, – а супруги попали в морок, их съело пространство, подпольными путями переместив в ту самую опочивальню, из которой ползли гробы.

Власий вошёл в храм, но в глазах его двоилось – он и в храме, он и где-то ещё, в помещении, задрапированном бордовыми портьерами – и, как только он переступил порог, голоса Некрасовых в его ушах резко смолкли и начались нечеловеческие вопли. Крики доносились уже не из-за спины, а издалека – из той самой опочивальни, которую теперь заливала чернильная тьма, глядящая в коридор прямоугольниками дверных проёмов. Крики, захлёбываясь, перешли в предсмертные булькающие хрипы, а потом и вовсе смолкли.

Оказывается, что все остальные, кто бегал в погоню за дедайт, снова вместе, сидят на лавках в храме и с глазами, в которых бьётся вороном животный страх, и с растущей ядовитым грибом паникой в сердце наблюдают, как к ним идёт охотник. Позади всё кончено, а экзорцист направился к Васке, сидящей по центру. Не просто так он выбрал в качестве приоритетной цели Васю – девушку в других обстоятельствах бойкую, шумную, а теперь сидевшую тихо-тихо, с видом отрешённым – Власий видит, что она – червоточина во плоти, что это больше не Вася.

Егор отреагировал, дёрнулся, он хотел защитить Васили-

су, но не успел – на глазах у всех девушка, когда охотник схватил её, рассыпалась, ушла воронкой серого песка в самую себя и потянула, пытаясь затянуть в себя и Власия. Власий не дал червоточине себя затянуть, смял, вымешивая призрачный песок, как тесто, пока колдовство не потеряло силу. Песок превратился в пыль, медленно оседающую на лавку. Всё.

– Нам надо выбираться отсюда, иначе мы все здесь пропадём, – сказал Власий, опустив голову, словно обращаясь к сгинувшей в небытие Васе, смотря на кучку пыли, что осталась от неё.

– Ты же сам просился сюда на ночлег, – не удержался от ехидного замечания Егор. – А?

– Это моя ошибка.

– Что с Васей случилось? – как-то невпопад спросила Света. Она так и не отошла от шока.

– Ах, ошибка? – не замечая вопроса Светы, спросил Игорь, и спросил так, будто это монах во всём виноват.

– Ну, хватит, – негромко, но как-то очень твёрдо сказал Власий и, наконец оторвавшись от созерцания праха, посмотрел на Игоря.

– ...Ну, хорошо. Что ты предлагаешь? – Игорь успокоился, взгляд Власия затушил огонь гнева, разгоравшийся под котлом паники, он пришёл в себя.

– Вне стен этого проклятого замка, – а что он проклят мне совершенно ясно, – нам будет гораздо более безопасно, – начал Власий.

– Ночью? Под открытым небом? – Сомнения Игоря можно понять. Он начинал догадываться, что они не просто заблудились в горах, а, возможно, заблудились вообще – в пространстве, времени, жизни.

– Что с Ваасей??? – зашлась в истерике Света. Из предыдущего тревожного вопроса она выдавила в крик всё то, что накопилось внутри, что требовало выхода. Ещё немного и она упала бы на пол и начала биться головой, хлопать руками, бить камни и себя.

Игорю пришлось обратить на неё внимание, теперь она последняя, кого он знал хорошо, от кого не ждал больших сюрпризов. Он подошёл к ней, и пока Света зажмурившись, сжав ладони в кулаки, притоптывала ногой и гнётся к полку маятником, повторяя, выкрикивая одно и то же на разные лады: «Что с Васей? Что? С Васей? Что с ВАААААСЕЙ?!!» – крепко обнял, прижал, несмотря на её начальное сопротивление, к своей груди, погладил по голове. Власий, будто не замечая происходящего, ответил на вопрос Игоря:

– Ничего хорошего нас и снаружи не ждёт, – признал правоту Игоря Власий, – но здесь у нас нет никаких шансов. Нас окружает иллюзия, ставшая реальностью, порождающая чудовищ, которых нам не победить – слишком их много копошится в этих стенах, – сказал и длинно сплюнул сквозь зубы, выражая презрение, что ли.

«Совсем как Дима», – мимоходом подумал Игорь, удерживая Свету. Уж больно она вертелась, но настойчивость и

ласка даже злого цепного пса успокоят, а не то что слабую, испуганную девушку. Света перестала спрашивать про свою несчастную подругу и тихо расплакалась.

– Нам надо разделиться, – неожиданно предложил Вла-
сий.

Игорь подумал, что ослышался.

– Что? Не понял, как это разделиться?

– Так больше шансов спастись, – начал терпеливо, как маленькому, объяснять Власий, – просто так замок нас не отпустит, он постарается нас удержать. Если мы разделимся, ему труднее нас будет контролировать, понимаешь?

– Нет, не понимаю.

– Мы не знаем, где выход.

– Как это не знаем? Выход там же, где и был.

– Там не пройти. Там тьма наползает из опочивален гробами и всякой иной чудью.

– Гробами?

– Да, гробами... Долго объяснять. Поверь, там нам не пройти. И, возможно, всем не уйти, даже если мы найдём правильный путь

– Чёрт.

– Надо разделиться, иначе смерть.

– Я пойду с вами, – внезапно заявила Света. Она подняла заплаканное лицо, мягко отстранилась от Игоря и сказала ему: – Спасибо. Мне уже лучше, я успокоилась. Я хочу пойти с вами, – повторила Света, обращаясь к Власию.

Не ожидал такого фортеля от неё Игорь. Он как-то даже растерялся от этих её слов. Три на два не делится, и он рассчитывал, что Света пойдёт с ним, ну не отпускать же девушку одну блуждать в этом тёмном лабиринте. А тут такое, граничащее чуть ли не с предательством. А между тем, всё просто: Света выбрала себе в защитники того, кого считала сильнее. Такие женщины, как она, очень остро чувствовали мужское начало и при определённых обстоятельствах охотно подчинялись ему, чтобы выжить. Не умом она выбирала, а опытом поколений первобытных женщин, что ждали своих мужчин с охоты, с войны, сидя у костра, нянча детей, готовя встречу. Мужчина – защитник её и её детей от монстров, что кишели в джунглях и водах; от голода, что постоянно нависал над её родом костлявым скелетом; от ужаса быть съеденной соседним племенем каннибалов. Но кроме всего этого, очевидного, на её выбор повлияло и ещё что-то очень ей знакомое, что привлекало своим постоянством, что стучало в её сердце, но что она не осознавала.

– Хорошо, ты пойдёшь со мной, – согласился Власий. – Пожалуй, так будет правильно, – задумчиво сказал Власий.

– Да уж, – пробурчал Игорь. Он был недоволен, но что делать – девушка сделала свой выбор.

Группа разделилась. Игорь пошёл более лёгким и очевидным путём – ему было труднее, вот поэтому и достался такой выход. Он пошёл по коридору, идущему от храма к общему залу, где они спали, а там его ждал проход – ответв-

ление, в конце которого светилось серебряным лунным светом большое окно во всю стену. А вот охотник повёл Свету на второй этаж, куда до этого никто из ребят не заглядывал. Соорудил факел из прутьев, обмотал их тряпками, паклей – гореть такой мутант без должной пропитки будет не долго, но им должно было хватить, – так сказал Власий.

Игорь ушёл первым, вскоре его шаги затихли и о нём больше ничего не напоминало. Был человек – и вот его уже нет, остались лишь тускнеющие с каждой минутой воспоминания, а может, и не человек это была, а сон, фрагмент фантазии.

Власий поднимался по лестнице первым, освещал путь, за ним, стараясь держаться к нему как можно ближе, шла Света. Двадцать ступеней, поворот, открытая дверь и они уже на балконе. Охотник оказался прав, их путь вышел не долгим. Ещё немного и они на свободе. Света подошла к каменным перилам и заглянула вниз. Провал уходил на глубину колодца внутреннего двора замка. Если тут и была свобода, то до неё не так просто будет добраться.

– Что будем делать? – с надеждой в голосе спросила Света.

Власий странно ухмыльнулся и ответил:

– Ну не прыгать же.

А потом вдруг Власий схватил Свету за плечи, продолжая не улыбаться, а щериться как ненормальный, с хриплым сексуальным придыханием сказал:

– Останемся здесь... вместе... навсегдаааААА, – Власий тянул последнее «а», и по мере того, как звук раскрывался, рос, его тело претерпевало ужасающие метаморфозы.

Тело Власия выворачивало, прокручивало на плечевых суставах, так что ноги смещали руки, а голова уехала на спину, и жопа оказалась на одной линии с лицом Светы. Штаны порвались по швам, ягодицы разошлись в пердячем смехе и оттуда, из прорехи в плоти, высунулось мокрое, но довольное лицо одержимого Димы. Настоящий охотник навсегда потерялся, а место его занял демон. Света открыла рот и заорала немым криком, пока её не заткнул распухший сизый язык дедайтa – поцелуй.

Обиженка

Сплетник и клеветник

За моим плечом, за моим плечом
Стоит сплетник и клеветник
Его язык стал острым мечом
Это странно, но я как-то привык

Нельзя ударить, нельзя наказать
С грязью бороться впустую
Можно только подъезд обоссать
Или слюнную харкнуть в крутую

Золота там, в черноте, не найдёшь,
Чумной лопатой глубже копая
Лишь кости трупа разбередишь
На волю смрад выпуская

Клевета и сплетня, как петля и нож
Оружие товарища, моего плача
И режет, и душит настоящая ложь
А по ляжкам течёт гнилая моча

За моим плечом, за моей спиной
Варит сплетни мне дорогой клеветник
Слышу хрипы и предсмертный вой
И к этому тоже как будто привык

– Ну, это как Олег Борисович скажет, – не моргнув глазом заявил мне Фёдор.

– Пока я ещё твой начальник. Раз говорю, значит должен сделать, – попытался разъяснить я ситуацию.

– Ага, вот именно, что пока, – нагло ответил Фёдор.

Дальше на Федора я наседать не стал, хотя очень и хотелось. Повёл он себя, скажем так, неблагодарно. Я его знаю давно – со школы ещё, он к нам в восьмом классе пришёл, как-то мы с ним сдружились. Язык у него без костей, весело с ним всегда, я ему всегда поддержку давал – пристроил к себе год назад на работу. После школы мы с ним лет пять не виделись, потом случайно на Продэкспо встретились, оказалось, что занимаемся одним и тем же – продажами продуктов питания. У него в компании платили плохо, я его к себе переманил, в отдел, менеджером. Постарался для него: базу дал, с клиентами познакомил, ввёл в курс дела, да и потом всегда помогал, прикрывал от гневных непредсказуемых наездов генерального. Ну, иногда ругал Фёдора – не без этого, – когда он косячил, но никогда на личности не переходил, хотя голос повышал, а он... А что он? Он просто стал меня за глаза грязью поливать, распространять про меня нелепые

сплетни по офису, а генеральному и вообще небылицы рассказывал – и что я больше не на переговоры езжу, а бухать за счёт фирмы; и что с чёрных бонусов для закупщиков, которые им отвожу каждый месяц, кормлюсь; и что конкурентам информацию о контрагентах наших сливаю. Но до поры до времени, он лебезил, улыбался, подчёркнуто дружелюбен был – ровно до того момента, когда я решил уволиться – и его подковерная работа сыграла роль, да и вообще, разногласия с высшим руководством компании поднакопились – пора было менять место работы. Вот тут наш цветочек расцвёл. Фёдор перестал мне отчитываться, разговорил сквозь губу, а как видел нашего генерального, то прямо в струнку вытягивался: «Чего изволите, Олег Борисович? Как скажите, Олег Борисович! Очень правильное замечание, Олег Борисович, сделаю всё как вы говорите». Не знаю, что им двигало. Может, это в пику мне он так себя вёл, потому что считал, что я зажимаю, всегда чувствовал дискомфорт от того, что мне подчинялся (ну ведь не злоупотреблял я. А если и орал, так это когда он сам себя подставлял своим враньём вечным. Бонусы он всегда получал, их для него я всегда зубами выгрызал), а может, натура такая предательская и её не перевоспитаешь. А скорее всего, он думал, что так он заслужит расположение генерального, меня откровенно недолюбливающего, и получит преференции в виде премий, надбавок и прочих бонусов, и должностей.

Ну да бог с ним. Для меня дружеские отношения всегда

значили больше, чем материальные блага. Не стоило из-за этого в грязи валяться. Ну, а для кого-то эта грязь вовсе и не грязь, а дом родной, естественное бытие. А вдруг? Мне такое трудно представить, а другие таких, как я, за дурачков считают. Всё жизнь по своим местам расставит, в конечном счёте.

Прошло три месяца с того дня, как я из той фирмы ушёл. Конечно, без дела я не сидел, уже через месяц устроился в другую, работал – новые знакомства, новые заботы. И вот, возвращаюсь вечером домой, звонок. Смотрю на экран, так, звонит Фёдор. Ну, я примерно знаю, что он хочет. Фирма, из которой я ушёл, а он остался, с месяц как закрылась, не выдержала кассового разрыва – это я от коллег из других отделов знал, иногда перезванивался с ними. Сначала решил не отвечать, а потом разобрало, стало интересно, что он сейчас плести начнёт. Ну да, нет, конечно, у человека совести. Ладно.

– Привет, Женёк! Как дела? – таким тошнотным бодрячком подкатил Фёдор.

– Привет, – сухо ответил я.

– Нехорошо, брат, друзей забывать. Чего не звонил-то?

Ну, блять, что за человек. Не было у меня настроения в игры эти дебилские играть, поэтому я эти его «просто поболтать, сходить бухнуть» сразу купировал, объявив:

– Что, думаешь, не знаю, зачем звонишь?

– А... а что, нельзя? Я просто со старым другом хотел...

– ну вот, завёл шарманку. Не друг ты мне старый, а старый лгун, неисправимый лжец и клеветник.

– Заканчивай. Ты же прозрачный, все твои мысли и уловки я наперёд знаю. И всегда знал.

Он на пару секунд смолк, слышно было как колёсики в его маленьких мозгах что-то такое там выщёлкивают, а потом всё же решил сменить тон или тактику.

– Ну и что у меня за мысли?

– Да ничего сложного. Деньги! Это же самое-самое главное для тебя. Ну да, работа там – это важно, потому что – тоже деньги.

– Да? Мы же друзья, – Фёдор не унимался, делал попытки. Молодец, настоящий уебан, нет, такому не научишься, природный талант, данный от рождения – сказал бы «от бога», да не от бога он. Точно не от бога.

– К-ха, – я аж поперхнулся. – В каком месте друзья-то? Я тебя на работу устроил, обучил всему, базу дал, косяки покрывал твои, – всё-таки прорвало меня, эх, – а ты генеральному на меня наговаривал, а в конце вообще откровенно бычить стал, демонстративно жопу Олегу стал нализовать до зеркального блеска. С тобой общаться – как в гнилой лошади копать. Друзья, блять. Знаешь ведь, что в больничку после такого не поедешь, так почему бы и нет, да? У меня есть преимущество в физической силе, но с тобой, типа «другом», я его никогда не использовал. Знаешь, некоторые это благородством называют. Но ты же не знаешь такого слова, своё

преимущество безнаказанности ты на сто процентов используешь, оскорбляя и клеветца. Пакостно всё это, мразотно. – Зря я так начал с ним говорить, всё равно его не исправить. Сорвался, стыдно.

– Ох ты, какой крутой, – изменив тон с дружеского, на наглый, агрессивный, пропел Фёдор. – Сильнее, говоришь? – прорезался злобный гоблин из камуфляжных кустов рассуждений о дружбе, аж в нос заговорил и запыхтел. – Может рискнёшь? Покажешь, какой ты, сука, боец?

А я уже, услышав настоящий его голос, успокоился, поэтому на его предложение ответил:

– Ну ты же знаешь, где я живу. С 19 до 19-30 я уже дома. Приезжай.

– Приеду, не беспокойся, – буркнул Фёдор и трубку бросил.

Конечно, никуда он не поедет. Зачем это ему? Он же болтун, а не псих. Я был уверен, что он трепался, в обиженных чувствах прибывая. Обиженка пузатая. Но я ошибся.

С того разговора прошло два дня, возвращаюсь я домой и, уже подходя к подъезду, слышу:

– Кашин, постой-ка.

Оборачиваюсь, присматриваюсь, и что, точнее – кого я вижу? От лавочки ко мне спешит он – мой ненаглядный клеветник Фёдор. Подошёл, встал в позу спесивого Д'Артаньяна и дерзко так заявляет:

– Ну, что? Обосрался?

– Иди на хуй! – ответил я просто, чтобы отстал, тем более что я действительно занервничал, но больше разозлился. Я попробовал уйти от греха подальше, но он не пустил, схватил за куртку. Схватил! Ну, меня и переклинило, навалилось всё разом – обидные слова, сплетни, враньё, подлость. Комбинация вылетела сама собой – хлёсткий лоу под колено и сразу же левым боковым по печени. Фёдор честно успел что-то там махнуть в сторону меня, но короткие ручонки, то есть руки короткие, а потом нелепо подпрыгнул вперёд и вверх и навалился на меня всеми своими объёмными жирами весом под 120 килограмм. Тип он тяжёлый во всех смыслах, на ногах я не устоял, стал падать, и в падении развернул его тельце боком. Фёдор перелетел через меня и башкой врезался в спинку лавочки. Пока он, похрюкивая, возился, пытаюсь подняться, я напрыгнул на него сверху и надавил большими пальцами ему на глазные яблоки.

– Ну что, иудино семя, хочешь, глаза тебе выдавлю? – Что я несу? Зачем мне всё это? Я кричал и буквально задыхался от ненависти, и не хотел и хотел причинить боль. Второе желание оказалось сильнее, чёрное победило белое, я слегка, как мне показалось, поднажал...

Чуть-чуть, показалось, что чуть-чуть, а вышло? Мои пальцы внезапно провалились во что-то липкое, тёплое – Фёдор вскрикнул, а я в ужасе отдернул руки, но было уже поздно. Я выдавил ему глаза, сам не знаю как. Я испугался до усёра. Это же тяжкие телесные! Тюрьма! Нашёл себе «при-

ключений».

Фёдор, держа руки у лица, но не прикасаясь к нему, хныкал и причитал, постоянно повторяя:

– Вызови скорую, вызови, вызови. Я ничего не вижу, не вижу ничего. Помоги.

– Сейчас, погоди.

– Вызови скорую, прошу тебя, вызови.

– Секунду погоди.

Я никак не мог сосредоточиться, а он всё продолжал своё:

– Не вижу. Вызови скорую, помоги.

– Да заткнись ты! – прикрикнул я на него, – Дай подумать секунду!

Мой окрик его вразумил, он испугался и замолчал, лишь постанывал.

– Так, я тебя сам отвезу, – я всё решил, само в голове сложилось, испуг сменился жаждой лихорадочной деятельности. – Я сейчас, сейчас, посиди спокойно. Я только домой сбегаяю.

– Не-ет, – плаксиво сказал Фёдор.

– Нет да. Потерпи, надо действовать быстро, а то ослепнешь, – ну, Фёдор уже ослеп, и никакой доктор ему уже не поможет, но если бы я не обнадёжил его, одновременно припугнув, то он, чего доброго, поднял бы шум, а шум мне совсем ни к чему. Что удивительно, никакой жалости я к нему не испытывал. Или не удивительно?

Усадив его плотно на лавочку, я помчался вихрем домой

– там скинул телефон на стол, на вопросы жены ничего не ответил (начнёшь врать, не остановишься, да и не слушал я никаких её вопросов) – и вернулся к нему. На всё про всё у меня ушло минуты полторы. Я как его оставил, так он и сидел: голова на бок, рот приоткрыт, по щекам течёт, короны ладоней с пальцами, торчащими в растопырку, закрывают глаза, но к ним не прикасаются.

Определил я правильно: Фёдор приехал сюда на своей машине, навряд ли бы он стал добираться на другой конец города на автобусе. Аккуратно придерживая Фёдора под локоток, я довёл его до машины – подержанный форд «Фокус», у которого он был третьим владельцем, – обшарил карманы, выудил мобильник и связку ключей. Хорошо.

Фёдор сидел на переднем пассажирском сиденье, я выводил машину на дорогу и утешал его – как умел:

– Потерпи, быстро доедем. Пять минут и больница, а там укольчик, будет хорошо.

– Я же не вижу ничего. Ты меня...

– Да не всё так страшно, – перебил я его, – Это кровь тебе глаза залила, поэтому ты и не видишь.

– Нет, не обманывай, я же чувствую. – Прав ты, – думал я, – это не царапины кровоточат, а твои зенки текут, но ты пока этого точно не знаешь, а только чувствуешь. Ну и пусть, чувства – вещь субъективная, даже если сейчас они и не врут, как ты привык лгать и клеветать всю свою жизнь, брат небрат.

– Скоро уже, – сказал я, и вышло обещание таким уверенным, что он затих, если не поверил, то успокоился, принял реальность того, что зависит от меня. С призраком такой желанной независимости пришлось Фёдору распрощаться.

Обмякшая тушка прислонилась к двери и кряхтела – Фёдор страдал молча. Проехав таким манером с километр, я остановился, и Федя, конечно, встрепенулся:

– Что? Приехали, да? Больница?

– Нет ещё. Я на минутку.

– Куда? Не бросай меня одного, – заволновался Фёдор.

Ладно. Надоело мне его утешать – я ничего ему не ответил, хлопнул дверью и рысью к мусорному контейнеру. Скинув лишнее, опасное, я вернулся назад. Пять минут и мы на месте. Я помог Фёдору выбраться из салона и повёл... Мимо матч бетонных кораблей – столбов электропередачи, через парк, обходным, самым коротким путём.

– Где мы? – спросил Фёдор, беспомощно крутя головой, всматриваясь слепотой в окружающий его со всех сторон вечный мрак, опять почувствовав, что мы идём где-то не совсем там.

– Идём в больницу. Нам через сквер осталось пройти, так к приёмной в травму ближе. Я там пару раз был, знаю, что говорю.

Шли мы порядочно, во всяком случае, дольше, чем я ему обещал. Когда подошли к пруду, Фёдор начал волноваться:

– Долго ещё?.. – спросил Фёдор. – У меня глаза болят, –

пожаловался он после короткой паузы.

– Да нет, пару шагов всего, и мы на месте.

После своих последних слов я перестал его поддерживать. Сделав шаг ему за спину, я присел и резко дёрнул его за лодыжки. Он упал лицом вперёд, ударившись со всего маху плашмя о подмёрзшую землю – первый снег вчера шёл, но для конца октября всё равно не холодно. Я накрыл его собой, словно защищая – защищая от всего враждебного мира, только он и я, я и он. Просунув предплечье ему под подбородок, закрыл замок и начал душить изо всех сил, постепенно наращивая давление на горло. Он почти не сопротивлялся – немного дёргался, ногами дрожал – и больше ничего. Через минуту, а может и раньше, он перестал подавать признаки жизни. Нет, он не умер – отключился. Следовало поторапливаться. Подтащил его тело к бетонному берегу пруда – бля, насколько же он тяжёлый, аж в пояснице защёлкало, – и пинками скатил в воду. Тихий – бултых – и на полпути останавливаться нельзя. Следовало, конечно, раньше об этом позаботиться, но не было времени. К счастью, я быстро отыскал то, что мне требовалось, чтобы закончить с ним. В кустах лежала длинная палка, дубина, на конце раздвоенная в рогатину. Этой рогаткой я надавил на плавающее у берега тело, опустил его к самому дну. Никакого эффекта, который можно было ждать. Словно и не тело я вжимал в ил, а куль, набитый тряпками. Он даже не дернулся. Так прошло пять минут – я знаю, я медленно считал до трёхсот, – и уже ко-

гда я хотел убрать дубину, из-под воды выбулькало с дюжину крупных пузырей. Выходил последний воздух? Да, так и есть.

Конечно, я изначально ни в какую больницу и не хотел отвозить Фёдора. Если бы отвёз, сел бы надолго. Расплата за глупость, не умение контролировать свои желания. Поэтому я отвёз в ближайший к моему дому парк – между прочим, самый большой городской парк в Европе, – а по пути избавился от его мобильника, выкинув его на помойку. Ну а в парке, ну вы теперь знаете, что случилось в парке...

Теперь мне оставалось избавиться от его автомобиля. Оставлять его рядом с парком – означало навести на след. И в моём районе машину оставлять не следовало. Я проехал по кругу объездной дороги, через три соседних района. По пути заехал во двор старого советского девятиэтажного дома. Я правильно сделал, именно рядом с такими домами, часто доживали свой век припаркованные в доисторические времена развалюхи. С одной из таких я снял номера и повесил их на форд Фёдора – теперь его машину будет трудно отыскать. Машину с чужими номерами я оставил во дворе многоэтажной новостройки, пристроив её с краю стоянки.

Выходило, что я наказал Фёдора за свой страх, за свою обиду. Так что же получалось, что это я обиженка, а не он?

Домой я пришёл в половине десятого...

Сильная и независимая

Как же больно... Мои руки не просто свело, а, кажется, с корнем вывернуло в плечах, локтях, кистях. Противоестественным, садистским манером. Кожа саднила, болела каждая клеточка моего тела. Мои запястья, вздёрнутые вверх и заведённые за голову, крепко стягивали верёвки до сине-багрового состояния гангрены. Я стояла на мысочках, балансируя на грани, напрягая пальцы и икры, чтобы не дай бог не повиснуть и не свергнуть себя в океан новой острой боли. Дышала я с трудом – не дышала, а задыхалась, – нос был разбит, возможно, сломан, забит свернувшейся кровью.

Я слышала, что он идёт за мной, ко мне приближается мой мучитель, и не могла оторвать взгляда от зелёной, обшарпанной железной двери подвала – скорее всего, я оказалась в подвале, судя по интерьеру – неровный бетонный пол, серый щербатый потолок, сплетение труб в углу, уходящих в стену. Подземелье.

Дверь распахнулась настежь от удара ногой. Даже сквозь забитый хрящами кровавых шкварок нос я ощутила жуткий сладкий смрад. И под накидкой этой невыносимой вони пришёл он – зверь – голый по пояс здоровенный детина, в коричневых кожаных штанах, с длинным тонким тесаком для разделки рыбы. Только я не рыба, ублюдок, – я человек!

Он шёл ко мне медленно, и его губы кривила улыбка, ка-

кая бывает у некоторых детей, получивших на обед вместо надоевшего супа своё любимое сладкое лакомство. Приблизившись ко мне, он вперил взгляд своих мёртвых, ничего не выражающих голубых глаз, вжался им, как извращенец в час пик прижимается к вам сзади, в меня. Сильная и независимая стала в одночасье жертвой безумия мужской психопатии. Так маньяк, прежде чем начать основную трапезу, в качестве десерта пробовал на вкус мой страх, боль, панику. Господи, помоги мне, пускай он сдохнет. Но бог не слышит женщин, он никогда никого не слышит, он сам мужик, не способный на сострадание, сопереживание, старый, глухой му...

Бесцеремонные, грубые пальцы схватили меня за мои холёные, специально по случаю уложенные волосы и насильно притянул моё лицо к его хारे – то ли он хотел меня поцеловать, то ли укусить, а вероятно – и то и другое вместе. Вот и шанс – тот единственный, который если не использовать, то останешься здесь навсегда. Я сама помогла ему, наклонилась ещё больше вперёд, и мой рот наделся на репу его носа. В укус я вложила весь ужас, гнев, злобу – зубы впились глубоко, прошли сквозь жирную кожу, сквозь тонкую прослойку мяса и надёжно увязли в хряще. Маньяк взвизгнул, совсем как девочка, завозился, как барсук, угодивший в капкан. Почти сразу мой бок обожгло – это маньяк истерично начал наносить удара ножом мне в бок – но то, что хорошо режет, плохо проникает – нож гнулся, резал кожу,

скрёб рёбра. Я только сильнее сжала челюсти, да ещё обхватила его ногами и, опираясь о него, полезла вверх, ослабила путы. Мне удалось снять с крюка руки, и, когда он дёрнул меня на себя, я вместо того, чтобы отпустить, прилипла к нему. Детина не удержал равновесия, упал на спину, а я оказалась на нём, сверху. Несмотря на боль в боку, мне стало легко. Я ещё поднажала – откушенный нос полностью оказался в моей власти, глотать я его не собиралась – собрала слюни, кровь, и вместе с мясом выплюнула в кровавую рожу насильника. Попала прямо ему в глаза.

Ему удалось меня столкнуть. Прижимая правую ладонь к ране, он встал на карачки. Свой шанс всегда надо использовать, а вот таким, как он, давать его не следовало. Я подобрала нож и набросилась на него. Первым же ударом я попала в пах – резанула по мягким тканям, – и из раны обильно брызнуло – забил настоящий родник. Била, не переставая, пока он не лёг на живот, резала плечи, затылок, шею.

Тело лежало, уткнувшись лбом в бетон. Судя по количеству вытекшей из этой свиньи крови, он уже не встанет. Сдох. Верёвки я перерезала, было неудобно, я старалась, немного порезалась, но получилось. Дышать мне было трудно, я чуть ли не задыхалась. Следовало очистить нос. Я осторожно высморкалась. Вот так сразу кровавые пробки выходить не пожелали – сдаваться, покидать насиженные места без боя, пришлось поднатужиться. Но лучше бы я этого не делала. Пробки выскочили, повисли желатиновыми хвоста-

ми на губах, в омерзении я их смахнула, и меня схватило за горло зловоние. Если бы не мой пустой желудок, мне бы вытошнило. Тот смрад, который я ощущала постоянно, усилился во сто крат. И как это урод мог здесь находиться без противогоза?

Перед тем как уйти, я обыскала труп. Нашла в его вонючих штанах ключи от автомобиля. Пригодятся. Уйдя из маленькой комнаты, я прошла по коридору, а потом поднялась по лестнице, сняла засов, открыла дверь. Я оказалась права: он меня притащил в подвал – большой подвал загородного дома, стоявшего прямо в лесу, вдали от всякой цивилизации. Выбралась, наконец, на воздух! Воздух! Свежий!

Может, из подвала был выход в сам дом, но я его не нашла, а нашла другой, ведущий сразу на улицу. Прямо в землю было вкопано нечто вроде будки с дверкой. Прежде всего, оказавшись на свободе, я осмотрела себя. Меня сильно тревожил мой истерзанный бок, сильнее, чем периодически дёргающие судорогой руки. И тут я почти не лишилась сознания, нет, не от кровопотери или боли, просто свежий лесной воздух вскружил мне голову. Так, что тут у нас? Кровь из моих ран не струилась, а лениво сочилась. Хорошо. Теперь осторожно, чтобы окончательно освободить лёгкие от вони разложившихся тел, которые я не видела, но которые точно где-то там в подвале ждали своего часа, я вздохнула полной грудью. Бок откликнулся болью, терпимой, ничего страшного. Вот нос распух, сломан, наверное, отёк перекинулся на

глаза – и это меня беспокоило куда как сильнее – не хотелось остаться уродкой на всю оставшуюся жизнь, а резать себя я больше никому не позволю, даже врачам. Нож порезал кожу, в нескольких местах проткнул, достал до рёбер, но глубоко не проник. Самую глубокую рану я нашла в районе живота – лезвие прошло наискосок, сквозь кожу, в районе пупка, а вышло у правого подреберья и даже мускулы, по ощущениям, не задело. Редкая удача! Как он не старался, всё мимо. Но запускать не стоило, конечно. Не хочу, чтобы у меня заражение крови случилось. Мне срочно требовалась медицинская помощь. Скорее, скорее к доктору, а об остальном подумаю потом. Или не потом, но, всё равно, к доктору. После всего, что я пережила, я достойна лучшего, достойна жизни.

Машина, приветственно пропилав, впустила меня внутрь. Стоило мне сесть в салон, как я задохнулась. Опять. Почти такая же вонь, как там, внизу. Похоже, но не совсем. Моему истерзанному сознанию просто показалось, нейронные связи сработали, связав близкие запахи в один. А так в салоне пах автомобильный ароматизатор – жёлто-зелено-красный овал, болтавшийся на зеркале заднего вида. Манго. Так, должно быть, в больном сознание производителей этих ароматизаторов пах манго. Концентрированная отрыжка, безудержно прущая из желудка полуразложившегося на тропической жаре мертвеца. Ненавижу манго.

Я, естественно, выкинула вонючку и открыла все окна, и просто какое-то время сидела с открытыми дверями в ма-

шине. У меня просто не достало сил ждать где-то ещё, пока машина проветрится. Пока сидела, в голове прокручивалось кино назад. Как я познакомилась с этим выродком? Очень просто, даже банально – на сайте знакомств. Да-да, сильным и независимым женщинам тоже иногда нужно мужское внимание. Конечно, на этих сайтах всякие попадаются, но не до такой же степени. И потом, поди разберись, кто из них чего стоит. Времени не хватает, а прежние отношения не актуальны. Кому хочется возвращаться к пройденному? Ну, только не мне. Приходиться знакомиться на проверенных сайтах. Я очень подробно прописала в анкете все требования, предъявляемые мной к претендентам на звание временного кавалера – и что грамотным должен быть, писать без ошибок, по крайней мере; русским; и чтобы не начинал разговор с банальщины, типа: «Привет! Как дела? Ты такая красивая...» и подобное, – и чтобы фото в стиле «ню» не присылал; и чтобы...

Но им хоть кол на голове теши, большая половина тех, кто пишет послания на сайте, оказывались именно такими, каких мне и задаром не надо. А вот этот сразу привлёк моё внимание нестандартным подходом – он мне задал вопрос: «Какие качества Вашего характера, вы считаете определяющими Вашу личность?». На мой же встречный вопрос: а зачем Вам это нужно знать? – ответил: что так он может с большой вероятностью определить мои истинные, настоящие желания. И нет, не потому что я напишу, – он, видите ли, по-

нимал, что женщины обычно пишут не то, что на самом деле хотят, – а потому, что я не напишу, но что будет ему ясно из того, что я напишу. Немного сумбурно, но меня взяло любопытство. Мои чувства – это мои чувства, и в них не так просто разобраться, тем более постороннему человеку. Я спросила его: например? – он ответил, не стал юлить, напускать значимости, хотя именно этого я от него ожидала: «Напиши, – к этому моменту мы договорились перейти на ты, – пожалуйста, что ты можешь написать, что-нибудь из самого простого, очевидного, и я расскажу про логику своих выводов. Хорошо?». Ну, ок. Конечно, можно было ещё его поразводить, сказать: нет, это сначала расскажи, а я ещё подумаю, – но просто не хотелось. На фотографиях, которых, кстати, было гораздо больше двух, – мужчина выглядел хорошо – ухоженный, симпатичный, ни нищеврод. На фото он был одет очень прилично, снимался на фоне дорогих отелей – на заднем фоне море, горы, – автомобилей, в хорошо обставленной квартире, на яхте (будет здорово, если она принадлежит ему). Ну, неплохо зарабатывает, знает себе цену. Я тоже умею зарабатывать и знаю цену себе. Так зачем же дело встало? И я написала: порядочность, требовательность, независимость – правду написала, не стала ничего выдумывать.

Ответил он мне не сразу. Я уже думала, что слился мужик. Неприятно, но переживу. Ан нет, через сутки от него приходит сообщение: «Ты сильная личность, которая требу-

ет уважительного к себе уважения, привыкла принимать решения сама. Ты не терпишь лжи, любого неуважения по отношению к себе и не будешь ничего терпеть. Тебе нужен тот, кто будет понимать тебя и принимать полностью такой, какая ты есть».

Польстил он мне – вот что, сделал это не то чтобы очень уж тонко, но все мы любим лести, зачастую не признаваясь в этом самим себе. И умный, и тактичный, и в то же время не размазня – как тут устоять бедной женщине, у которой отношений без малого год не было? А вдруг это оно самое, долгожданное!? Не всё, правда, идеально – немного смутила его фамилия – Мухоедов, Владислав Мухоедов – так себе фамилия, не представляю, чтобы мне пришлось носить такую фамилию. Его фамилия – единственное, что напрягало – не критично...

Надо же так влипнуть. Впервые за долгое время встретить, как показалось, кого-то достойного, а он маньяк. Точно – Мухоедов. Какая фамилия жуткая, такой и человек. Нет, в следующий раз не буду упускать из виду такие моменты. Я вам не муха, неуважаемые маскулинные пауки.

А как всё романтично начиналось! На первое свидание пригласил в дорогой ресторан авторской кухни – французской. Ну, согласна, банально. Но! Само выбранное место идеально: на набережной, вечер, закат и в цвет заката, в цвет молодого вина – розы с бутонами величиной с кулак и стебли полтора метра длиной. Ну еда, напитки – всё на высочай-

шем уровне. Обслуживание, в кои-то веки, без нареканий – не к чему придрататься. Кавалер мой был сама предупредительность, шутил не пошло, руки не распускал, но ясно давал понять, что я ему не безразлична – те сигналы, которые любой девушки приятны.

На второе свидание он пригласил меня погулять в городской парк. Скажу прямо, неожиданное и, на первый взгляд, сомнительное предложение, а если вдуматься, прочувствовать, то очень интересное, нетривиальное. Отдых на природе – довольно мило. Сначала престижный ресторан, куда простым смертным вход закрыт, а потом такое простое, ламповое из кинофильма о любви с первого взгляда. И во второй раз от свидания осталось приятное послевкусие. Он нашёл тенистое местечко под вязами, на зелёной травке, около голубого озера с прозрачной, чистой водой. Влад принёс клетчатый плед, корзину фруктов – румяные персики, золотые абрикосы, сочные черешни, ароматная клубника, яблоки, – и термос с прохладным белым вином Шабли, не забыл он и настоящие изящные винные бокалы, а не бумажные стаканчики. Вино так искрилось на солнце, а аромат! – цветочный, сладковатый, объёмный. Мы проболтали до самого вечера, а когда уже собирались уходить, он завёл разговор – как бы между прочим, исподволь:

– Послушай, Вика, тебе понравилось наше свидание?

– Приятное место, ты угадал, – я была под хмельком, поэтому кокетничала – не словами, а глазами, улыбкой, томной

позой.

– Спасибо. Мне тоже хорошо было... с тобой. Облагороженный городской парк – это, конечно, здорово, но есть лучший вариант. Если ты хочешь отдохнуть на настоящей природе – немного дикой, первородной, буйной, – я знаю потрясающе красивое место за городом.

– И? – я улыбалась. Видела, что он нервничает и поэтому улыбалась, ждала.

– Есть нюанс.

– Какой, Влад? – спросила я, добавив сексуальных ноток в голос.

– Наслаждение от единения с природой требует спокойствия, тишины. Ты согласна?

– Да, – я не понимала, куда он клонит, но согласилась.

– Когда мы здесь, сегодня общались, то нам, каждому из нас, не меньше десяти раз позвонили, ещё сообщения постоянно приходили. Так?

– Ну, мне это не особо мешало.

– Правильно. Для пикника это вполне нормально. А вот для того сакрального места, которое я хочу тебе показать... нет, подарить, – поправился Влад, очень в тему, надо отметить, поправился, – будет правильно, если им наслаждаться в покое, вне информационного поля. Отдохнуть от благ цивилизации иногда просто необходимо. Как ты считаешь?

– Ну...

– Мы можем оставить наши телефоны дома. Всего на сут-

ки, на один день. Представляешь, только мы с тобой и природа. Как раньше, как мужчина и женщина, которым никто, кроме них самих, был не нужен. Всего лишь сутки, всего лишь...

Ну как я могла отказать? Звучало так заманчиво, так искренне – из его лживых уст. Я повелась. И вот я здесь, – не знаю, где именно, но где-то далеко от города, возможно, в другой области, – вся избитая, со сломанным носом, исколотая ножом для разделки рыбы, опухшая, грязная, похожая на привокзальную шлюху. Сильная и независимая.

– Ебанный хер! – я завела машину, развернулась и, прежде чем выехать с участка на дорогу, прокричала в открытое окошко, обращаясь к дому, ко входу в подземелье ужаса: – Гори в аду, Влад Мухоедов, тварь!!!

Собеседование

Утром встал рано, побрился, погладил брюки, рубашку. Завтракать не стал, не хотелось – может волновался перед собеседованием, хотя, в целом, чувствовал себя отлично. Отлично! Золотые запонки, широкая улыбка – специально потренировал её перед выходом у зеркала, несколько раз себе улыбнулся – то ли киноактёр, то ли акула – всё готово, пора!

Лето, тепло, но не жарко, как в иной год бывает у нас в Москве. Еду с кондиционером, в прохладном комфорте по садовому кольцу на электробусе. На часах: 11:00. По мне так лучшее время суток – с 10:30 до полудня. Город проснулся, отряхнулся от пробок, распахал офисную братию управленцев-букашек по её стеклянным муравейникам. Я тоже один из них, временно лишённый места в ячейке офисного гнезда. Бывает. К сожалению (не моему), долго на одном месте не задерживаюсь. Можно было бы сказать в своё оправдание, что не по моей вине я меняю места и начальников, но, буду честным, здесь ситуация как раз обратная. Конечно, по моей вине я кочую из муравейника в муравейник. Но я, всё-таки, не виноват, как, собственно, я, виновата природа. Ладно, не будем о грустном.

Итак, почти бесшумно лечу на собеседование. Вчера так мило поболтал с девушкой из службы персонала, а сегодня я готов к серьёзному разговору. Ну, как к «серьёзному», так,

пока до генерального не дошло – вот с ним придётся на-
прячься, выдать всё, что могу. Только генеральный принима-
ет решения, а с остальными приходится болтать – в боль-
шинстве случаев, ни о чём. Да и оценивают на разных уров-
нях собеседования, как правило, не твои навыки, а смотрят
на твой предыдущий опыт – так проще, хлопот меньше. По
профилю специализации я подхожу компании, куда еду, по
сроку работы на последнем месте – тоже. Отлично, я по-
чти уверен, что меня возьмут. Конечно, могут попросить ка-
кой-нибудь тест дебилный – ну, это уж, извините, не родись
уёбком, как говорится, а будь красавчиком по жизни: будь
готов! Всегда готов!

А вот и моя остановка. Из-за деревьев, торчавших из
асфальтовых ловушек, выглядывает здание серого гранита
эпохи культа личности. Да, это вам не стандартный корпора-
тивный кубик, спаянный из стекла и бетона, классика – мо-
нументальный памятник нашему великому прошлому. Чест-
но, я в таких местах никогда не трудился, аж под ложечкой
засосало.

Пропуск на меня заказали. Миную турникеты и на лифте
поднимаюсь на девятый этаж. Ну, знаете, всё в дереве, ков-
ры (внутри лифт тоже обит деревом и коврик имеется). Так,
из дверей лифта направо по коридору и вот я пришёл. Пока
меня встречала всего лишь дверь – стиль двери... даже не
знаю, как правильно сказать, впечатление от чего-то бронзо-
вого, массивного с львиными лапами, ну, то есть, самих лап-

то как раз и не было, как и бронзы, а вместо них ощущение поддерживали рельефные завитушки и неведомы зверушки – нет, правда, я таких животных не знаю, помесь единорога с грифоном и ещё какие-то фигурки людей с огромными головами, выкрашенные в тёмное золото.

Домофон ничем примечательным не отличался, торчал инородной деталью серебристого прямоугольника сбоку от всего этого великолепия. Я нажал на белую родинку кнопки домофона, и меня сразу же пустили в офис. Дальше поздоровался с девушкой офис-менеджером, и она провела меня переговорную, больше похожую на комнату в старом турецком доме: мягкие диваны, опять ковры с психоделическими узорами, пара низеньких деревянных столиков. Меня уже ждали. Когда предложили присаживаться, я выбрал место ближе к окну. Напротив меня сидела девушка, я её узнал по голосу, – это Вера, я с ней вчера по телефону общался, – а справа сидела женщина в очках, наверное, начальница Веры, представилась Марией.

– Олег, для начала расскажите о вашем опыте на последнем месте работы, попросила Мария, – а потом мы расскажем о вакансии, и вы сможете задать свои вопросы. Хорошо?

Конечно, я уже рассказывал про свой опыт вчера, но я общался с Верой, а эта, в очках, хотела услышать о моём опыте из первых уст. И я выдал – отполированные фразы о моих достижениях у меня от зубов отлетали. Чему-чему, а бахвальству, а по-нашему, на языке мира продаж – саморекла-

ме, я научился.

– Так. А как вы решали конфликтные ситуации на работе? – продолжила допрос Вера.

– С кем? – уточнил я.

– Со своими подчинёнными, с коллегами из других отделов.

– Конфликт – это нормально, обычный результат взаимодействия людей. Сам я стараюсь конфликты на пустом месте не создавать, но и не бегу от них, ведь такие ситуации помогают решать проблемы. Зачастую, чтобы выйти из тупика, разрешить болезненные противоречия, нужно идти на осознанный конфликт.

– Примеры? – подала голос Мария. В общем, она ничего, сексуальная. И очки её не портят, а пикантности придают.

– Примеры? Мне в отдел требовался координатор – должность, несомненно, нужная, но для многих руководителей компаний совершенно не очевидная, ведь, по их мнению, его функции могут вполне успешно выполнять другие сотрудники. А с другой стороны, кому понравится, если тебя начнут нагружать дополнительными функциями, на которые нужно тратить время, а от этого страдает основная работа. В обязанности координатора входит работа в 1С? Так ведь это может делать и бухгалтер. Принимать заказы на электронной площадке? С этим и менеджер справится. Ну и так далее.

В результате – недовольство, демотивация, падение темпов роста. И когда вал всего этого достиг небес, я инициии-

ровал общее собрание, на которое пригласил и высшее руководство компании. Во вступительном слове я объявил, что нагрузка, в связи с открытием новых направлений увеличится кратно. Я сознательно шёл на прямой конфликт, говорил, что это нужно для компании, а большинство сотрудников сейчас загружены работой не в полной мере, иногда наполовину. Конечно, мои слова вызвали взрыв – взаимные упрёки, истерика – и когда градус противостояния достиг температуры плавления стали, а наш генеральный директор покраснел, извиняюсь, как рак, бухгалтер, на которую должна была лечь львиная доля дополнительной нагрузки, сказала, – «Вот, если они так заняты, тогда пускай отдел продаж и возьмёт к себе в штат человека, который и будет всё это делать, а у меня своих дел хватает», – я ответил, – «А что, это выход. Надо подумать над вашим предложением». Остальным сотрудникам идея тоже пришлась по душе. В конце концов, генеральный директор утвердил новую должность – координатор, – и я взял необходимого человека в отдел.

– Хорошо, – похвалила меня Мария, но тут же добавила: – Похоже, правда, больше не на управление конфликтом, а на манипуляцию... А как вы наказывали своих подчинённых?

Ох, и не люблю я этого слова – наказывать. Не в моём характере наказывать. Я управленец, а не экзекутор.

– Старался обходиться без наказаний, – сказал я.

– А как же вы тогда людьми управляли? – удивилась Мария. Вот привязалась, может, она тайная бдсм-госпожа? Ха

ха. – Не будете наказывать, вас слушать не будут. Авторитет надо поддерживать

– Любое наказание ведёт к реакции. Возможно, лучше предупредить, чем получить сотрудника, затаившего на руководителя обиду.

– И всё-таки, Олег, вот вам бланки нашей специальной анкеты для руководителей, напишите, какие виды наказаний вы использовали при работе с подчинёнными.

Вера передала мне несколько листов бумаги. Ясно, что для них это почему-то очень важно. Наказания. Может, в их конторе это фетиш такой? Если честно, то все люди только и делают, что наказывают друг друга. Особенно умиляет, когда в коммерческой фирме, вместо продаж, только тем и занимаются, что наказывают: руководители – подчинённых; подчинённые – начальство. Сделал ты, допустим, что-нибудь не то, ну, сказал что-то обидное для начальника, или не угодил, и тебя тут же начинают наказывать, но не за это, конечно, а находят причину – непрофессионализм, как правило, недостаток компетенций. Короче, будешь спорить, найдут до чего докопаться. Причём эта дорога с двусторонним движением. Например, ты наказал своего сотрудника за то, что он профукал заказ, а он, в отместку, потом сольёт контакты контрагентов конкурентам. Начальник же, конечно, ничего не поймёт – отчего его сотрудник так поступил, даже если узнает, но обязательно накажет – показательно уволит по статье – и, в большинстве случаев, получит суд, который компания

проиграет и будет вынуждена заплатить компенсацию. Круговорот наказаний в природе.

Я взял ручку, склонил голову над бланком... но нет, не мог себя перебороть. Отложив ручку в сторону, сказал:

– Не обессудьте, не мастер я наказывать. Не люблю, да и не хочу.

– Но это же делает вас уязвимым, – удивилась Мария.

– Вероятно, даже наверняка. Не буду спорить. Если вам нужен специалист именно такого рода – умеющий и любящий наказывать, добивающийся ими результата, – то это, увы, не про меня.

После моих откровений женщины притихли. Мария очнулась первой: протянула руку к листу анкеты и дёрнула. Оказывается там, снизу, на бланке была наклеена полоска белого стикера, под которой скрывался новый вопрос. Когда обнажились чёрные буквы, Мария попросила:

– Тогда ответьте на этот вопрос, пожалуйста.

Первый раз с таким сталкиваюсь на интервью, какое-то странное поведение демонстрировали менеджеры по персоналу. С великим любопытством прочитал вопрос: «Отметьте слайды, которые, по вашему мнению, наиболее полно отражают смысл слова «Успех», и внесите их номера в таблицу, затем сделайте всё то же самое для слов «Неудача», «Провал».

– А где отмечать? – спросил я.

Вера выдала мне фолиант непонятного каталога с заклад-

кой на нужной странице...

Вера никогда утром не завтракала, только пила кофе, выпивала большую чашку, иногда – две. Пробовала молотый, но как-то не зашло, вернулась к обычному растворимому латте и две ложки (хорошие такие ложки, с верхом) коричневого сахара на чашку. Без дозы подслащённого кофеина тяжело было просыпаться. Но этим утром к кофе она захотела булочку с маслом. И, как ни странно, съела булочку с аппетитом, запив сладким кофе. Квартиру она снимала и вообще обеспечивала себя полностью сама. Независимая современная женщина, одинокая, но не теряющая надежды. Последний роман длился три месяца, и она сама его прикончила. Надоели ежедневные скандалы, круто заваренные на параноидальной ненависти и комплексе неполноценности. И перспектив никаких. Но что её удивило, так это то, что Сергей – её последний любовник, – несмотря на кипяток своего темперамента, воспринял её слова о расставании как-то флегматично, ни о чём не стал спрашивать, не возражал, а после их последней встречи ни разу не позвонил. Не то чтобы ей этого хотелось, но... Познакомились, потрахались пару десятков раз, накрутили нервы и разбежались. Как-то обидно, слегка – не понятно отчего, правда.

У Веры сегодня предстояло три собеседования, а главное интервью – утром, с кандидатом на должность директора по продажам – важная, можно сказать, ключевая должность для компании, но новая – должность, выстраданная лично гене-

ральным директором, который откровенно замучился контролировать департамент продаж, возиться с патологическими плутами-менеджерами, подтирать им носы, нянчиться, а зачастую, и работать за них. Отбор кандидатов шёл трудно, второй месяц она отсматривала кандидатов и ничего подходящего не находила. Не малую роль в качестве кандидатов играла сумма оклада – нищенская для такой должности, надо признать. А всё потому, что гендир хотел и рыбки съесть, и чтобы не больно было. На 110 т. руб. шли отнюдь не гении, а всё больше неудачники от продаж или откровенные дегенераты по жизни. Но сегодня! Да, сегодня к ним должен был прийти кандидат с необходимым опытом, слегка за сорок – что было для компании плюсом, потому как нужны были солидные люди, а не свистуны, – 2 высших образования, на первый взгляд, адекватный – ну, тесты покажут, насколько, и что стоят его дипломы. Вера искренне желала ему, а значит и себе, успеха – так трудно найти вменяемых людей на любые должности, а на руководящие тем более. Не хотелось ей продолжать поиски дальше, общаться с разными...

Бодренькая после кофе Вера весело пропрыгала по офису до 11-00 и в прекрасном расположении духа пошла на интервью с кандидатом. Всё шло нормально, даже хорошо – кандидат держался достойно, уверенно – до определённого момента – до вопроса о наказаниях. Мария (коллега Веры, а не руководитель, как думал Олег, даже ниже её, потому как пришла неделю назад в компании и сейчас фактически ста-

жировку проходила), сориентировалась, умничка, подсунула тест кандидату, который мог послужить выходом из ситуации, когда претендент на должность закрывался. И тут начались чудеса – не сразу, а в процессе теста. Кандидат стал делать пометки на бланке, с минуту работал, а потом задеревенел, словно его паралич укусил, отнял мутный взор от анкеты и сказал:

– Тут всего одна страница.

– В смысле? – не поняла Вера.

– В том смысле, что тут как-то маловато страниц и всего три слайда.

– Да нет, там шестьдесят вопросов-слайдов, – уверенно ответила невнимательному кандидату Мария.

– Сами посмотрите, – предложил кандидат.

Вера взяла каталог в руки. Так, на первой странице, правильно, три слайда. Перевернула страницу и... Что-то промелькнуло и опять те же три слайда. Так же не бывает! Вера несколько раз проверила – перевернула эту страницу повторно, а за ней ещё несколько. Тот же результат – мельтешение и опять три первых слайда. Она эти слайды отлично видит, возможно, слишком чётко и резко: на первом – бюст мужика в костюме, видно часть груди, плечи, голову – он, безумно вытаращив глаза, хохотал; на втором – женщина в возрасте выгуливает в парке утюг; на третьем – пачки денег лежат рядом с рулеткой казино. Всё. Вера просто не находит происходящему объяснений, у неё состояние ментального нокдау-

на. Да ещё Мария сидит как истукан, никак не реагирует на происходящее. Она что, не понимает, что происходит, что ли? Ан нет, Мария подаёт всё-таки голос:

– Вера, а ты на телефон страницы сфотографируй, – и так это она убеждённо говорит, что Вера, не задумываясь о бредовости совета, берёт мобильник и наводит камеру на каталог, которым снова завладел Олег.

Олег сидел с задумчивым видом, нахмутив брови, и со всех сторон рассматривал каталог, но чувствовалось в его поведении некая неестественность, намеренный наигрыш. Вера смотрела на него и ждала, что он сейчас отбросит каталог и рассмеётся безумным смехом, а потом начнёт тыкать в неё пальцем, и глотая слова, утирая слёзы, орать: «Попалась! Попалась! Аха ха ха!». Она так разволновалась, что пальцы задрожали, она посмотрела на свою руку, державшую мобильник, и вздрогнула – увидела на экране телефона такое, что сразу забыла о каталоге. Пальцы кандидата, его пальцы, лежавшие на обложке каталога, выглядели ужасающе неестественно: уродливо длинные, обзаведшиеся двумя дополнительными суставами каждый, разбухшие от чёрной крови или гнили, увенчанные серыми матовыми звериными когтями – зазубренными пирамидками. Вера навела объектив камеры на самого владельца этих рук – на кандидата. Она, конечно, со страхом ожидала чего-то, но не такого окончательно абсурдного, просто невозможного. На неё с экрана её телефона пялились – не смотрели, а нагло, злоб-

но именно паялились, – горящие, надутые жёлтым, нездоровым светом буркалы с сажевыми точками зрачков, лишённые век, нависающие над впалыми щеками, рискующими в любой момент отправиться в свободный полёт прямо в лицо Вере. Омерзительно. Само же лицо имело нездоровый серый оттенок в тон к цвету когтей и было худым настолько, что все кости черепа выпирали так сильно, что рисковали порвать кожу. Рот, лишённый губ, безмолвно, как у рыбы, ни на секунду не находясь в покое, открывался, показывая на редкость крепкие зубы хищного ящера. Оживший труп опасного мутанта – вот самое близкое определение того существа, которое пришло к ним на собеседование.

Вера глянула поверх экрана и опять её обожгло, но теперь обожгло холодом. Кандидат на должность директора по продажам был на месте, был человеком, а не монстром, который внимательно, вопросительно смотрел на неё, ожидая, когда она начнёт фотографировать. Может, он понимал, а может, это Вера ничего не понимала. Она запуталась. Но кандидат оставался в человеческом обличии ровно до того момента, пока Вера снова не взглянула на экран.

– Ну что же ты не снимаешь? – сквозь шум бурлящей в ушах крови услышала Вера вопрос, заданный Марией.

В интонациях вопроса Вера различила издёвку. Тогда она посмотрела и на Марию сквозь камеру телефона. На неё уставилось такое же уродливое чудовище, но только в женской одежде и с длинными волосами – сестра Франкенштейна...

Я держал в руках каталог и не понимал, что происходит с Верой. Сначала она зачем-то затрясла своим мобильником перед моим носом, словно поп кадиллом, а потом застыла на несколько секунд в позе потревоженного рака-отшельника. А когда её отпустило, она посмотрела на Марию и её прямо-таки заколотило. Вера, как дом, угодивший под удар землетрясения, заходила ходуном, вскрикнула, как чайка, попавшая под гусеницу бульдозера, и кинула в меня телефоном. На этом моё интервью и завершилось.

Первая ядерная

Почему-то из-за леса, именно оттуда, где, я точно знал, простиралось от опушки и дальше, до реки, поле, перепаханное вдоль и поперёк ещё весной, но так ничем к сентябрю и не засеянное, вылупилось, вырвалось, как будто изпод земли, багровое свечение мира мёртвых, свечение цвета воспалённой десны. А с неба, ставшего в мгновение отражением ада, спускались угольно-чёрные, казалось, совсем не отражающие свет сигарообразные объекты. Они медленно, задницей вниз, планировали, клыком вершины грозя серым низким облакам, подсеченным снизу болезненно красным, предвечернего осеннего неба.

Конечно, это было ни какое-то там непонятное НЛЮ, а были это наши родные баллистические ракеты – кошмар, рождённый желанием жить, – невероятно огромные, неизвестной широком слоям населения модели, шедшие на посадку (?), периодически стреляющие по земляной каше струями голубоватого пламени.

Мой дом стоял на окраине города, практически на границе, отделяющей искусственную среду обитания человека от природы, тоже этим же человеком изрядно загаженной. Суббота. Я по-холостятски обедал, сидел на кухне за обеденным столом, и уже хотел опрокинуть в себя законные выходные сто грамм, когда за горизонтом загудело неведомым огнём,

а с неба начали падать зёрна смерти.

Я имел право на отдых, мне сорок лет, особенно ничем в выходные я не занят, а мотор стучит, тело требует активных действий. Ну, не по улицам же мне бегать, приключений искать. Обычно с друзьями я устраивал, через выходные, застолье у себя дома, но сегодня никто не смог мне составить компанию вкусно поесть – закуску сам всегда готовлю, люблю готовить, – сладко попить, вот и пришлось одному принимать удар по печени. А тут такое. Тут уже не до супа и водки, тут надо что-то срочно делать.

У меня на кухне обычно почти круглосуточно играет радио, по радио ничего такого не сообщали. Я переместился в комнату, включил телевизор – там тоже молчок, идёт набившая оскомину развлекательная мура субботняя – сто раз пересмотренные советские фильмы, ток-шоу, детективные сериалы – и никаких экстренных сообщений. А на душе тревожно. Даже мутит и крутит – это, наверное, от того, что сообщений нет. Ракеты, по моему разумению, совершили посадку за лесом и, как только я их перестал видеть, и родился низкий гул, отчего на душе стало совсем тяжело.

Ждать, что будет дальше, я не стал – невозможно ждать, нестерпимо, – оделся, вышел на улицу. На улице было не совсем уж безлюдно, но не так, как почти всегда бывает в это время по субботам. Я заметил ещё нескольких таких же, как и я, вышедших, чтобы узнать, что происходит. Настороженные лица, люди пугливо озираются по сторонам, ждут, что

вот-вот к ним кто-нибудь подойдёт и всё объяснит, успокоит. Некоторые, которые мне встретились по пути, глупо мне улыгнулись. Нет, товарищи, я и сам ни черта не знаю, нечего мне улыбаться. Правда, были обычные прохожие – мамочки с детьми, мужики, спешащие в магазин, чтобы начать или продолжить, подростки. Их было мало, остальных будто ко-рова языком. Если бы я сам не видел эти чёрные ракеты, то гул можно было принять за раскаты далёкого грома, и тогда можно было успокоиться версией того, что люди испугались приближающегося проливного дождя. И небо сурово нахмурилось курчавыми бровями пепельных туч, и порывы холодного, и влажного ветра ничего, кроме внезапной непогоды, бури, не обещали. Правда, вместе с ветром в наш микрорайон приполз запах – металлический, липкий, мазутный и, как ни странно, коричневый.

Про дождь или бурю – это я себя, конечно, так успокаивал. Не хотелось верить в худшее, мозг отказывался воспринимать угрозу, а душа ныла больным зубом. Идти одному через лес, смотреть, куда приземлились ракеты, просто не имело смысла – кто знает, что это было на самом деле, а вдруг заражение, вероятность подрыва – могло грохнуть так, что не только лес накроет, но и от нашего микрорайона мало что останется. И пока я так думал, что мне делать, завывла сирена воздушной тревоги. Причём её вой накатывал волнами откуда-то издалека, из глубины кварталов старого города, распускался рыхлым цветком тревоги прямо над моей головой,

по пути к нам, в наш микрорайон, теряя в громкости, но не в истерии, которая впитывалась тебе в кровь, разносилась по телу, заполняла гнилой водой страха, безумия, паники, вены и артерии.

Не знаю, зачем, но я сел в свою машину и погнал, не соблюдая скоростного режима, наплевав на камеры регистраторов, к себе на работу – в НИИ закрытого типа, работающего на оборонку. По профессии я химик-органик, вот и трудился на благо Родины, по мере сил, способствуя созданию всякого рода крайне ядовитых боевых бяк. Видно, плохо я работал, если наши разработки не остановили супостата от нападения на страну. Я ехал на работу и не знал, чего я хотел, чего я там вообще забыл. Наверное, надеялся, что там мне всё объяснят, расскажут про ошибку – и всё будет как прежде.

Здание моего института светилось как ёлка под новый год, там словно что-то праздновали. В этом, ставшим похожим на сияющий куб детской игрушки доме военной науки мелькали тени – чёрные человечки бегали по лестницам, а некоторые из них высовывали головы в окна, смотрели на небо. Это были мои сослуживцы, которые, как и я, влекомые неведомым зовом, примчались в институт в свой выходной день. Кинув знакомым охранникам стандартное «здравствуйте» – сегодня дежурила тройка, где старший был Влас (он ещё постоянно подмигивал – тик, наследство боевого прошлого, наверное), имена остальных не знал, шире меня в плечах в

два раза, а лица как у учеников музыкальной школы, – отбил пропуск и, минуя услуги лифта, по лестнице на второй этаж, к себе в лабораторию.

Все в сборе – две лаборантки, красотки наши тридцатилетние милфастые, замужем и, кажется, обе счастливы в браке – Галя и Валя; зав. лаборатории, Семён Игоревич, наше местечковое светило – без шуток, дядька на 15 лет старше меня, а подтянут, всегда свеж, молодой блеск в глазах, ни секунды в покое; мой напарник, коллега, старший научный сотрудник, как и я, Дубов Андрей; младший научный сотрудник – Киреева Оксана, одного со мной возраста, не замужем, тётка тёткой, хотя и следила за собой, молодилась, но то причесаться забудет, то накраситься, растеряха по жизни, но на работе концентрировалась, собиралась, молодчинка.

– Привет, други! – выдал я своё фирменное – на меня покосились, но никто не ответил.

– Так, я смотрю, все в сборе, – продолжил я. Все были не только в сборе, а ещё и заняты: суетились, записывали что-то в журналы, не мигая, что-то высматривали на экранах компьютеров и приборов... На меня вообще перестали, как мне показалось, обращать внимание. – Дубов, а что происходит? – обратился я к тому, кто был мне ближе из них.

Ответил мне не мой приятель, а мой начальник:

– Не суетись, Гриша. Пришёл, и молодец.

– Пришёл... А вот зачем вы сюда пришли? Вызвали? – я спросил то, что меня интересовало больше всего.

– По зову сердца, – подойдя ко мне, пожав мне руку, объяснил Андрей.

– А ты-то сам зачем здесь? – поинтересовалась Валя.

Резонный вопрос. Действительно – а зачем?

– Семён Игоревич, что надо делать? – Я внутренне подобрался и задал тот вопрос, с которого следовало начать.

– Пока ничего. Руководство института на месте, ждём их распоряжений.

Я пожал плечами и ещё раз посмотрел на своих коллег. Наши женщины продолжали разводить кипучую, но, как по мне, довольно бессмысленную пока, – как сказал Семён Игоревич, – деятельность, снимали показания хроматографической колонки – доделывали вчерашнюю работу. Начальник что-то писал, а вот Дубов копошился у кофе-машины... Ну, я присоединился к Дубову. Налив себе чашку чёрного кофе, спросил:

– Что думаете?

– Чего здесь думать. Пиздец, – грубо, но по делу высказался Дубов. – Я своих уже из города отправил.

– М-да, правильно. А вы чего не уехали? – обратился я к милфам.

– Ой, Гриша, не нагнетай, – сморщив носик пуговку, как откусив лимон, сказала Галя.

И здесь я вспомнил фильмы из моего детства. Названий их я не помню, но помню, что таких, с подобных сюжетом, было несколько. В них красочно описывалась ситуация, ко-

гда на планете в результате эпического «БАБАХА!» в живых оставались несколько особей женского пола и пара мужиков – не из самых лучших. Ну, а дальше вариантов было немного. Женщины и мужчины из разных социальных слоёв общества находили друг друга. Ещё был вариант с островом – та же история, но с вариациями декораций. В общем, посмотрел я на наших дорогих милфочек, и захотелось мне со страшной силой предложить им провести с пользой последние часы, что, возможно, нам остались. Конечно же, они бы меня не поняли – вероятно, они вообще не представляли серьёзности положения, не то что пройдоха Дубов, – но это так, мысли – навеянные ситуацией, парадокс родом из детства.

Раздался звонок – трель внутреннего телефона. Звонили шефу, как понимаю, из администрации. Хмуро погукав в трубку, наше светило бодрым сайгаком ускакал на ковёр.

– Оксана, да бросай ты пахоту. Всё равно уже всё, – обратился к нашей трудоголичке Дубов.

– Да? – откликнулась она, словно со сна.

– Оставь, – сказал я. – Так легче переносить...

Чего «переносить» я объяснить не успел. Здание нашего института, построенное ещё в 50-х годах двадцатого века, кирпичное, семиэтажное, с трёхметровыми потолками вздрогнуло, как от пинка под жопу. Меня и остальных аж вверх подбросило. Свет замигал жёлтым подслеповатым оком, в которое попала горсть песка, где-то, посыпавшись, зазвенели стёкла, – у нас в рамах стёкла лишь нервно за-

дребезжали, а у соседей не выдержали, облегчённо лишившись напряжения, лопнули, осыпались осколками старого мира, чтобы родить щербатые пасти проёмов нового времени – конца времени.

Началось – это сразу стало понятно всем, даже Оксане. И как мы все, работники института, повинувшись какому-то непонятному зову ломанулись с разных концов города сюда, теперь также дружно побежали из кабинетов и лабораторий тараканами, но не на улицу, а в подвал.

Там, в подвале, у нас с незапамятных времён стояли такие железные ящики, которые у нас называли «гробами». Гробы – это были, конечно, никакие не гробы, а экспериментальные средства индивидуальной защиты – капсулы сохранения жизни в первые часы Армагеддона. В них можно было пережить бушующее пламя почти любых ядерных атак. Для кого их делали изначально, непонятно, но в итоге они оказались у нас – в подвале института. Гробы поселились в нашем подвале много лет назад и были наследием ушедшей в учебники истории холодной войны. Зачем их решили сохранить, да ещё и у нас, – этого никто не знал, не помнил. Выбросить жалко, а по назначению использовать вроде бы незачем. Артефакт. Вот сейчас эти артефакты и пригодились, когда страна пожелала вернуться к своему прошлому имперскому величию. Гробы дождались своих первых постояльцев.

Всего два десятка ящиков, и мы первые, кто до них добрался – наша лаборатория располагалась очень удобно, от

неё было ближе всего к лестнице, ведущей в подвал, – но за нами, по лестнице, уже топали десятки ног претендентов на убежище. В нашем институте дураков не держали, обрабатывали сотрудники быстро. Ни слова друг другу не говоря, – а к чему теперь разговоры? – мы выбрали себе гробы, со скрипом открыли крышки... На меня дыхнуло холодной сыростью, затхлостью, а ещё – йодным запахом морского дна... Так, у этого громоздкого агрегата прошлого века должно было быть автономное питание, иначе от него мало толку. Только вот не разрядились бы батареи. Но гробы содержали в порядке, обслуживали регулярно – у нас в этом всегда поддерживали порядок – любое, даже не используемое в работе, оборудование ставили на регулярное профилактическое обслуживание.

Ага, вот тумблер, он включает питание. Я щёлкнул им, и внутренний объём моей тесной железной могилы посветлел. Дрогнув изнутри холодным голубоватым светом, наполнившись глубоким нездешним смыслом, гроб приглашал зайти в него, лечь в него – и обо всём забыть. Я увидел серые, гладкие подушечки, на вид мягкие, выстраивающие ложе, повторяющее очертание человеческого тела. С внутренней стороны крышки зажегся экран, по которому побежали колонки цифр – данные окружающей среды и показатели внутренней – время, температура, объём, радиационный фон, влажность, уровень кислорода и углекислого газа, концентрация различных веществ и соединений. Ок. Я залез в гроб, за-

крылся. Как только крышка встала на место, подсветка стала мягче, уютней, словно лишнюю резкость света всосали стенки.

Лежать было удобно, даже неприятные запахи, кажется, сбежали на второй план, забились, как клопы, в складки, загнившие системой климат-контроля. Я оказался полностью изолирован от внешнего мира.

Не знаю точно через какое время – я когда залез, как-то не отметил, нет цифры-то я видел, а вот в мозгу как-то не отложилось ничего, – но, как показалось, очень быстро время стало для меня лакричной жвачкой, киселём, в котором я барахтался, не находя опоры для разума. И вот через десять минут – так мне часы, встроенные в крышку, подсказывали, – а может через десять столетий что-то сдвинулось. Данные по экрану побежали быстрее, заволновались, стали расти, а потом он очень-очень ярко вспыхнул искрой и погас. Одновременно меня перевернуло набок: ну, то есть, не меня, а ящик. Что-то или кто-то чудовищно сильный рывком поднял гроб, повернул и несколько раз подвинул – во всяком случае, у меня создалось такое впечатление, что гроб подбросили, а потом ещё и по крышке ударили, как молотом. Я немного подождал и, почувствовав, что становится трудно дышать, решил выбираться.

Нажал я на продолговатую кнопку-клавишу на крышке с мерцающей надписью «выход», которая должна была мне открыть путь к свободе, но тщетно... Сколько я не жал на кноп-

ку, а потом ни толкал, ни барабанил по крышке кулаками, она не поддавалась. Я оказался замурованным в своём собственном, индивидуальном чудо-убежище. Мысли путались, думать становилось не просто трудно – невозможно. Я чувствовал, как мои глаза пучило, а лёгкие красным драконом распирало и выжигало удушье. Ещё пара вдохов, ещё один, ещё... Шум в ушах, нестерпимая мука, тело скрутили кольца конвульсий, и ко мне идёт обезболивающая, крадущая, благословенная, вечная тьма. Моё спасение, моя капсула-оберег, мой новый дом – мой гроб.

Чёрная скорая помощь

Я шёл по улице и вдруг упал – не с тог не с сего упал, очнулся уже в скорой помощи, внутри очень необычного автомобиля скорой помощи. **ВЫДОХ.** Не знаю, что со мной случилось, может, давление упало? Или сердце? А потом... какой-нибудь сердобольный прохожий вызвал врачей – и вот я трясусь на ухабах в машине, везущей меня в больничку. Рядом сидит санитар в черном халате (почему у него халат-то чёрный?) и чёрной шапочке с зелёным крестом – жирным и толстым, как тропическая гусеница. Не знаю, как для скорой, а вот для психушки он вполне бы сошелся – массивный кабан с круглой спиной, руками-окороками, головой, похожей на чугунный котёл. Из-под такой же чёрной, как и его халат, шапочки торчали мокрые, словно санитар побывал под ливнем, волосы цвета вороньего крыла, с которых стекали капли мутного пота. А ещё я, в первую очередь, обратил внимание – не мог не обратить, такое сразу в глаза бросается и надолго запоминается, – на его мясной шее борца тяжеловеца, со стороны горла горел чумным розовым жуткий жёванный шрам, идущий полумесяцем, как второй рот под нижней челюстью – а скорее пасть сатанинского клоуна. Сидел санитар недвижимой горой, и мне показалось, что он и не дышал вовсе, уставился в пространство немигающим взором слепой статуи и так мог просидеть хоть ещё тысячу лет. Да,

мне так показалось, но я ошибся, я даже вздрогнул, когда эта гора ожила – захрипела – это так он вдыхал, вдыхал долго, словно задыхаясь, мучительно для моего слуха. Вдыхал он как сломанный пылесос, а выдыхал, должно быть, бесшумно, поэтому-то я его сначала и принял чуть ли не за чурку неживую. И вот, когда я дёрнулся, то обнаружил, что к носилкам меня привязали. Странно. Дёргаться не стал, решил осмотреться, понаблюдать.

За окном мелькал вечерний город – мой город, – но с каждой секундой он всё больше менялся, уходил в чужое, незнакомое. Непонятно мне было уже то хотя бы, что отключился я утром, а сейчас, судя по пейзажу за окном, закат забрал с собой день. Улицы, дома, пространства темнели, уличная подсветка постепенно гасла, краснела, густела в бордовые углы, а сами городские здания кособочило, крыши и углы словно бы крошило, а фасады уродливо вытягивало вверх или издевательски растягивало, размазывало, как лицо порно-модели, уничтожаемой в гэнг-бэнге.

– Не рыпайся, – глухо, низко, с угрозой сказали мне, а потом санитар захрипел, всасывая воздух. Видно, я слишком напрягся, выгнулся, и моё любопытство было замечено санитаром. Что же, пора выяснить, что происходит.

– Отстегните меня. Я в порядке.

– Засохни, всшхрвсшхрррр.

Не очень успокаивающий пациента совет, вам не кажется? Я заволновался, понял – происходящее несло в себе для

меня некую, пока мне непонятную угрозу.

– Куда вы меня везёте? Кто вы вообще такие? – Вопросы-то я задал, а вот ответов не дождался. Санитар перестал на меня реагировать, ушёл в сосредоточенное на его внутреннем мире молчание.

Больше ничего спрашивать санитар я не стал, а напряг кисти рук, проверил пути. Пока я был занят определением прочности ремней, над моей головой раздался стук. Я среагировал, вывернул по максимуму шею, чтобы посмотреть, что там. Окошко, окошко в перегородке между салоном и кабиной водителя. И в открывшемся квадрате проёма я увидел лицо, если так можно выразиться, водителя. Водила отчаянно косил на меня налитым кровью левым, диким глазом. Нереально толстая харя, даже какая-то надутая, словно накаченная дурным газом, кожа ноздреватая, нечистая, бледная, лоснящаяся зелёным оттенком.

– Ну чего вылупился? – булькая горлом, спросил меня водила. А присмотревшись ко мне внимательнее, добавил: – Аа, догадался. – А я действительно стал о чём-то таком, смутном, но нехорошем догадываться. Больше скажу, моё подсознание уже понимало корень происходящего со мной бреда, а сознание отмахивалось от идущих из подпола моей личности сигналов, стремясь объяснить рациональной логикой то, что так объяснить просто нельзя. – Да, мы не ваши, – сказал водила. – Мы те, которые служат Шибатат.

Ну и здесь меня, конечно, прорвало, а может, порвало. Во-

первых, со мной вели разговор, – а это, для человека в моём подчинённом обстоятельствам положении, уже очень много, и как вели! – мне сразу стало ясно, кто они. Во-вторых, мне требовалось что-то предпринять, иначе отсюда не выбраться. Хватит с меня! Я не знаю, кто такая эта их Шибатат, и знать не хочу. Но! Но я теперь знаю, уверен, что оказался во власти живых мертвецов, а если точнее, то во власти тех, кто отправился на тот свет по собственной воле – самоубийцев. Словно читая мои мысли, санитар, снова ожив, сказал:

– Да, мой первый напарник вскрыл себе вены. Он сейчас рядом с нашим водителем сидит, который утопился, – сказал и захрипел, чёрт его дери. Здесь я догадался, что у него за шрам на шее – не шрам, а странгуляционная борозда от верёвки. Санитар повесился, чтобы очутиться здесь.

Я не видел того «напарника», о котором говорил удушенник, но очень чётко его себе представил, мне буквально, чуть ли не насильно, впихнулся его образ в мозг: он сидел рядом с водилой, прислонившись плечом к двери, болезненно худой, бледный до прозрачности, длинноволосый юноша с мерцающим взором больших карих глаз и длинными пальцами музыканта. И опять санитар ответил на мои мысли, подтвердив их и объяснив:

– Да, он бледный и худой. Бледный – от потери крови, а худой – от природы. Ему всего семнадцать лет было, когда он освятил себя смертью на служение богине. Но тебе не стоит расстраиваться, – санитар хмыкнул (это что, у него такой

юмор... неприятзательный?), вздохнул кряхтением, смешанным с кряканьем, – он самый безжалостный её слуга, любит своим подопечным пускать кровь, потому что своей не осталось. А ещё потому, что поэт – натура, тонко чувствующая чужую боль.

У меня аж от таких откровений под ложечкой заныло. Не понравились они мне – очень уж похожи они на обещания.

– Ты не дёргайся, хуже будет, – пообещал мне санитар, правильно определивший моё настроение, и хрипло заржал: – Кха ха ха хак ха ха кха!!

Санитару начали вторить водила – хлюпающим смехом пьяного водяного, и тонко чувствующая натура, поэт – истерически, как-то очень по-девичьи хохоча, наверняка, при этом незряче тараща зенки свои в темноту за окном, чтоб ему пусто было. Ушлёпок.

– Жаль сегодня с нами четвёртого брата нет, – продолжал говорить удавленник, – он бы тебя понравился. Он к нашей хозяйке шагнул под поезд.

Чёрт бы их всех побрал: как только он сказал про поезд, мне этот отсутствующий представился во всей своей отвратительной красе – перевёрнутый, перекрученный, с торчащими из рваных ран осколками костей, черепом, раздавленным в тухлый помидор, хромающий на обе ноги, идущий где-то в дождливой ночи, волочащий за собой по асфальту змеи кишок. Брр, аж передёрнуло. Я не знал, что со мной будет, что они со мной намерены сделать, но знал, что ничего

весёлого меня не ждёт.

Остаток пути (лишь бы не последнего), куда бы о не вёл, мы проехали молча. Самоубийцы заткнулись, а у меня не осталось вопросов, на которые они могли внятно ответить. Остановка. Машина дёрнулась, мой затылок вмялся в перегородку – мы приехали. Задние дверцы открылись, мелькнула бледная рожа дегенерата-поэта, удавленник подтолкнул носилки и – о-па! – через двойную встряску моя тележка бряцнула колёсиками об асфальт.

Чёрная скорая помощь с таким же зелёным крестом, который увенчивал шапочки санитаров, миновав железные ворота ограды, притулилась на стоянке, рядом с каменным монстром здания, уходящего десятками этажей в безудержно бегущие, как кирпичи на конвейере, серые облака, давящие город, скрывающие его от нормального света, жизни. Внизу широкий въезд на нулевой подземный этаж, дыра ворот, а над ней вывеска – «Городская больница №2». Буквы этой записи светились зелёным, а само здание дымило чёрным дымом. Нет оно не горело, хотя некоторые окна смотрели, не мигая, красным, больница, как рана, исходила из всех щелей чёрной дымкой, выющейся причудливыми змейками, как только что затушенная головня.

– Ночное отражение, – подсказал мне поэт. Он наклонился ко мне и, вперившись безумным взглядом, рассматривал меня как какую-нибудь редкую букашку энтомолог.

– Что? – Я, естественно, не понял, что он мне сказал.

– Ночное отражение города – наш мир, а твоего больше нет и уже не будет.

Ах, вот он про что. Для живых – ботинки и утренние прогулки по лесу, а для мёртвых – гробы и ночное отражение, – всё логично – до ужаса. Живому не выбраться? Двое санитаров стояли рядом, – водитель так и не вылез из кабины, – и смотрели то на меня, то на больницу. Потом удавленник достал пачку сигарет и угостил одной сижкой поэта. Они взяли палочки никотина в губы и, не зажигая их, задымили. Вот просто так сделали затяг и кончики сигарет покраснели. Дым, выходящий из ноздрей и ртов мертвецов, был красным. А пахло их курево корицей и тухлым мясом.

Перекур закончился. Не знаю почему, но машина не въехала в больницу через анус автоматических ворот, а припарковалась, и меня повезли на тележке сначала вверх по специальной огороженной железными перилами дорожке, а потом, толкнув моими ногами большую дверь, завезли в здание – туда, куда и должна была, по сути, подъехать скорая – к лифтам. Пахло в больнице жжёной резиной. Ожидаемо для меня, мы спустились вниз, а не поднялись на лифте наверх. Меня отвезли в больничный морг. По освещённому умирающим светом старых ламп коридору, через четыре колена поворота, тележку втолкнули в пространство, где на чёрно-белых клетках стояли железные столы, некоторые из которых жались к стенам, а другие выстроились в два ряда посередине; в тених, по углам прятались шкафы; в низком потолке,

у правой стенке гулко, негромко сопели ноздри вентиляции. Здесь пахло карболкой, было холодно и одиноко.

Меня, не отстёгивая, прямо на носилках, перенесли на стол.

– Не дёргайся, – повторил удушенный. – Только хуже будет.

– Чем ты быстрее признаешь её власть, тем быстрее всё кончится. Тебе стоит только сказать, что ты принимаешь её власть и хочешь остаться – и всё, – обдав меня запахом осеннего деревенского подпола, сказал поэт, наклонившись к моему уху. – Не сложно, правда?

Ага! Значит, не всё потеряно! Я им зачем-то нужен, и я должен сам захотеть здесь остаться. Выходит, у меня есть шанс отсюда выбраться. Ну уж нет, выкуси. Осмелев, я ответил:

– Иди на хрен.

Поэт совсем не разозлился, хмыкнув, он объяснил:

– Не надейся. Отсюда не сбежать. Хотел тебя от встречи с доктором уберечь. Но как хочешь.

– Да, доктор тебе доходчиво объяснит, чего ты стоишь, – поддержал мёртвого поэта удушенный.

На прощанье поэт мне отвесил лёгкую, презрительную пощёчину, а удушенный сделал ручкой. Вот так попрощавшись, они ушли, век бы их не видеть. Дождавшись, когда стихнут их шаги, я стал пробовать освободиться. Ремни затянули на совесть, и сколько бы я не тряс руками, не дёргал

ногами, они держали меня крепко, уверенно сдирая кожу, сжимая мясо и кости.

От моего занятия меня отвлекло гудение. Сначала думал, что показалось, но нет, так мог гудеть лифт. Я завертел головой и обнаружил то, что до этого не увидел – справа, между двумя шкафами в залитом полутьмой проёме притаилась железная, грязно-зелёная дверь лифта с большим глазком на уровне головы, как в тюремных камерах. Лифт гудел всё сильнее. Через пару секунд что-то там внутри механизма поперхнулось и гудение заткнулось. Дверь, зацокав, распахнулась, и оттуда, из чёрного дыма, заполнявшего кабину лифта, вышел доктор. Бля, не обманули, суки, от такого добра не жди. Одетый, как и санитары, в чёрный халат и шапочку – только зелёный крест у доктора переполз с шапочки на грудь, – доктор шевелил длинными руками, растопырив их в стороны, – шевелил сразу шестью руками! – три пары рук. Нижняя половина была закрыта маской, но и того, что я видел сверху неё, меня заставило мгновенно пропотеть. Два вылезших из орбит, блестящих чёрных паучьих глаза и россыпь мелких глазков вокруг – на лбу, скулах. Из-под шапочки торчали лохмы ядрёных волос-шерсти, как смоль. Под маской что-то безостановочно елозило, шевелилось, грозя показаться, вызывая этим тошноту нехорошего предчувствия.

Адский доктор что-то не то просвистел, не то прошипел и прошёл к одному из столов, стоящих у стены. Этот стол

стоял прямо передо мной и то, что лежало на нём, освещала лампа с козырьком над ним. Раньше на предметы, там томившиеся в ожидании мастера, я не обращал внимание, а теперь был вынужден обратить. Парочка пил, длинные спицы с крючками, вроде бы клещи или щипцы, похожие на каминные, ножи – некоторые необычайно широкие, другие, наоборот, тонкие, как иглы, острые, – кувалда, гвозди под двадцать сантиметров, ещё какие-то коробочки, кольца. И все эти инструменты были покрыты налётом ржавчины и покрыты пятнами грязи.

Доктор подошёл ко мне и стал снимать ремни. Вот мой шанс! – подумал я. Но не тут-то было. Он держал меня четырьмя руками, а две другие ловко отстёгивали ремни. Потом носилки полетели на пол, меня прижали спиной к ледяной поверхности стола, а запястья и лодыжки оказались схвачены железными браслетами. Ну теперь, мне оставалось молить лишь бога о чуде. Или согласиться на статус мертвеца.

В моей голове зазвучал шорох – такой неприятный, словно по спине пробежал паук, – затем из шороха, родился шёпот:

– Шибатат... Признаёшь её власть? – это доктор залез мне в голову.

– Нет! – выкрикнул я.

Тогда доктор сердито зашипел – уже не в моей голове, а в реальности, в моих ушах. Он метнулся к столу, вооружился

щипцами на длинных ручках и вернулся ко мне. Просунув щипцы к моему боку, он раскрыл и ухватил мою плоть – да так ловко, что мне показалось, что вместе с кожей он ребро подцепил. Секунду больно не было, а потом он потянул... Я даже не смог вскрикнуть, хотя показалось, что заору так, что потолок упадёт. Утробный стон направленный не во вне, а внутрь меня. Так доктор ещё и выкрутил. Если бы он меня не переложил с носилок на стол, то мои судороги опрокинули бы их. Казалось, что боли не будет конца, но вот она дёрнула ещё раз и отпустила, и тогда я заорал во всё горло. Никогда не думал, что я настолько хлипкий. Надеялся, что выдержу, а от первого же щипка развезло так, что готов на всё. Из глаз текло, из носа подтекало. Я сжал зубы и не заметил, как между них оказалась губа, вот и по подбородку потекло. Я поднял голову и посмотрел на доктора. Теперь меня очень интересовало всё, что он собирался делать. А он взял кувалду, мерзко пропевшую о стол своей железной тяжестью, гвозди, и шустро вернулся ко мне. Что? Что он будет делать? Ответ не заставил себя ждать. Мои колени. Ему приглянулись мои колени. Первым стало левое. Гвоздь с одного удара вошёл по шляпку, прошив сустав насквозь и застряв в крышке стола. То, что причинили мне щипцы, было просто детской шуткой, а теперь я забыл, как меня зовут, для меня мир перестал существовать, осталась лишь боль – и я в ней, и она во мне, и я сам и есть боль. Выбросила меня наверх из тёмного океана муки новая волна – это было моё правое

колени. Ну вот, теперь я уже точно никуда не убегу.

Не знаю как и зачем, но и на повторное требование признать своей госпожой Шибатат я ответил отказом. Уже когда выкрикнул (или прошептал?) «нет», испугался сам, что так ответил. Доктор так разозлился, что мой мозг заполнили тысячи шорохов от паучьих лап, теперь они бегали не только по спине, но и вообще были везде – по лицу, животу, в паху, бегали в ушах, во рту, кишках. Адское отродье в халате что-то нажало в стене, зажужжало, и мой стол повернуло набок. Там, где был пол, зиял прямоугольник провала, в котором крутились валики с кубиками зубов – промышленная дробилка. Видел как-то один ролик в интернете, как такая же стальная челюсть размалывала в труху любые предметы, которые в неё попадали. Особенно меня поразило, как она сожрала велосипед, а потом карданный вал, оставив от них лишь железные опилки.

Показав мне, что ждёт меня за непослушание, доктор вернул стол на место, но жужжание осталось – я понял, что дробилка меня ждёт, крутится, исходит маслом, скрипит гидравликой, словом, ждёт. Боль и осознание отсутствия выхода прочистила мысли, освежила восприятие. Где я оказался? Как санитары мне сказали: в тёмном отражении города, – а это значило, что и законы существования разумной плоти здесь иные нежели в мире света. Законы не наоборот – ведь всё-таки не зазеркалье, – но другие, словно во сне, который стал реальностью. Всё вроде бы на месте, но вывернутое на-

изнанку. Сгинуть могу. А умереть? Вот если бог в обычном мире меня слышал, но никак не мог мне помочь, то здесь, в мире, где жили те, кем управляла богиня ночи, возможно, мне помогли бы. Вот только надо знать, кому послать молитву, кого позвать. Если здесь царила мать добровольного ухода из жизни, то противостояла ей богоматерь – должна противостоять, через ангела моего хранителя или напрямую. И маму мою Марией звали... Надо позвать на помощь. Никогда не молился в жизни, ну, нет, может, в детстве, или в школе, когда хотел на экзамене получить хорошую отметку, а так – нет. Не знаю, как это делается. Главное – быть искренним.

Я зажмурился, постарался уйти от того, что меня окружало. Боль, металлические стуки инструментов, которые перебирал, выбирая доктор, запахи и опять боль. Я совсем не помню, что я про себя говорил, кого звал, молил, но довольно быстро мой разум понесло по узкому туннелю к свету, и чем ближе я был к нему, тем меня меньше тревожила боль, звуки и запахи, а когда я оказался внутри, со всех сторон окружённый им, то понял, что меня слышали. Я открыл глаза...

Колени и бок больше не болели. Боли не было вообще – вот и чудо, о котором я мечтал и сожалел. Но как мне освободиться? Времени оставалось всё меньше – доктор сейчас выберет очередной инструмент боли и вернётся к ложу смерти. Я сжал кулаки и покрутил, а потом потянул – слегка. Удивительно, но мои руки больше не держали браслеты, кисти

рук стали податливыми, словно из теста и без костей, я потянул смелее и освободился. То же самое я стал делать с ногами, но тут мне стали мешать мои ботинки – мешать намного сильнее чем гвозди, сопротивление которых моя плоть вовсе не заметила – они прошли через неё, как сквозь ткань призрака. И доктор, к тому же, был уже рядом. Он пришёл ко мне, взяв в руки мачете – широкий, длинный нож, которым в джунглях прорубают путь. Сразу стало ясно, что он хотел лишить меня некоторых конечностей, превратить в обрубок инвалида.

Доктор ещё не размахнулся, а я со всей силы, вскормленной ненавистью и страхом, ударил его в лицо. Попал в глаз, который сразу вбило на лоб, он стал смотреть куда-то в потолок и потёк. Обратным движением мой большой палец зацепил маску, сдернул её, обнажив копошение – гибрид жвал стрекозы, педипальп и хелицер паука, и ещё каких-то ажурных, дрожащих плёнок с щелями и отростками.

Прежде, чем он на меня навалился, я успел вырвать мачете у замешкавшегося доктора, и когда он схватил меня, я, наконец, смог освободить ноги и, уперев их ему в живот, оттолкнул его. Доктор, ободрав кожу с моих плеч, за которые он пытался удержаться, размахивая руками, отлетел к шкафу. Я вскочил со стола, меня повело в сторону – голова закружилась от долго лежания, – а доктор, оправившись, пошёл на меня. Я рубанул навстречу, кажется, удалось через лес рук лезвию прорваться к голове – удар мачете угодил ку-

да в район глаз, но мутанта это не остановило. Доктор продолжал напирать. Я отступал, размахивая мачете, не давая ему подойти ближе. Вокруг стола... и тут я чуть не упал. Со всем забыл, что там меня ждала дробилка. Удержавшись на краю, я встретил набегающего доктора ударом мачете в живот и сразу прыгнул назад. Слава богу, мне удалось перелететь разверзнутую пасть, а вот доктору, по инерции сделавшему два шага вперёд, не повезло – он свалился вниз. Следом за падением раздались почавкование и громкое шипение. Когда я заглянул в железный рот, то увидел валики, замаранные фиолетовыми кляксами, а на кубиках квадратных зубов были намотаны пряди длинной чёрной волосни. Доктор – всё.

Насытившись, дробилка сама сомкнула створки губ люка. Я подошёл к пыточному столу. На нём лежали воистину жуткие инструменты. Но лучше, чем мачете, для целей самообороны я не нашёл. Ещё моё внимание привлекла шкатулка жёлтого, полированного дерева с крышкой на серебряном крючке. Не удержавшись от любопытства, открыл шкатулку. Бархатная розовая подложка, а на ней, в гнёздах, что-то белое. Я нагнулся, чтобы рассмотреть, и подвергся атаке. Эти небольшие кусочки чего-то стали с лёгкими хлопками, как от петард, покидать свои гнёзда и таранить кожу на моём лице. Я прикрыл шкатулку ладонью, но и в неё впились десятки уколов. Пришлось захлопнуть шкатулку и на крючок закрыть. Оказалось, что шкатулка стреляла в меня зубами,

человеческими зубами. Мерзость.

Выполнив миссию исследователя, я принялся искать выход. Мне требовалось совершить самоэвакуацию из этого столь «дружелюбного места». Ну, уходить отсюда прежним путём, тем же, которым меня сюда доставили, казалось мне не разумным. А вот воспользоваться лифтом, на котором прибыл доктор, было правильно – такого от меня не ждали, лишь бы лифт возил не только вниз – откуда, без сомнения, адский доктор и прибыл, – но и поднимал вверх.

Я вошёл в лифт. Пахло в нём жутко – той же жжёной резиной, но гораздо сильнее, а ещё – осенней канализационной слякотью. На пульте управления, слава богу, были кнопки. Да, на месте большинства кнопок чернели дырки, но было несколько вполне целых. 20, 19, 13, 10, 7 этаж. Конечно, я выбрал 7-й этаж. Быстрее подняться – быстрее спуститься. Дверь за мной брякнула, где-то в глубинах шахты загудел мотор, и я поплыл наверх. Через минуту лифт остановился.

Меня встретил пустой этаж – колонны, сырой бетон, оконные проёмы. Нет ни стен, ни перегородок – пустая заготовка. И вот, из тени, от дальней от меня стены, в моём направлении застучало деревянным маршем нечто. Вроде бы тени составились в нечто несуразно тонкое, дистрофичное. Но чем ближе оно от меня стучало, тем лучше я мог его рассмотреть. Это было... был Буратино. Такой, каким я его запомнил в детстве – палки ножек и ручек, скреплённых скрипучими суставами, тело – струганное палено, закутанное в по-

лосатую бумажную курточку, деревянная голова с длинным острым носом, увенчанная красным колпачком. Вот только фирменной улыбки до ушей я на его лице не наблюдал, злое было лицо, и было оно не светлое, а тёмное, цвета морённого дуба. Да и весь здешний Буратино был какой-то выцветший, полинявший, словно долгое время проведший там, где солнце не светит – под землёй, в склепе, в могиле, – и был он совсем не той маленькой куклой из книжки, а ростом с человека. Видно, подрос наш сказочный персонаж на харчах ночного отражения.

Буратино бодро вышагивал, а сердце моё билось всё чаще, и когда он, остановившись в трёх метрах от меня, задорно, вскинув правую руку, зиганул, скачок адреналина толкнул меня к нему. Я побежал, а Буратино пульнул в меня красной молнией – рука, держащая зигу, опустилась и с её пальцев сорвался извилистый штрих огня. Разряд прошёл совсем рядом с моей щекой, аж волосы дыбом встали. Пришёл черёд и мне наносить удар. Мачете с лёгкостью перерубило деревяшке ногу, но он не упал. Меня инерция удара пронесла немного вперёд, а Буратино на одной ноге повернулся следом и опять выстрелил – теперь уж очень неточно. Я воспользовался его расфокусировкой и перерубил вторую ногу, он упал с характерным стуком и получил ещё одну зарубку на груди. Останавливаться я не собирался, поэтому с размаху послал мачете в башку зигующего Буратино, но и этот деревянный бродяга не собирался просто так разлёживаться –

успел выстрелить, сволота, – молния прошила грудную клетку, меня отбросило и отключило.

Не знаю, сколько времени я валялся в отключке, но, когда пришёл в себя, всё было кончено. Буратино не подавал признаков активности, мои рёбра болели так, словно их хорошенько поджарили на гриле, но боль быстро уходила, а вместо неё тело наполняла уверенность. Я встал, подошёл к деревяшке полюбоваться. Последний мой удар рассёк голову Буратино наискосок, срубив верхнюю часть с глазами, носом, частью рта, оставив на шее лишь нижнюю челюсть и часть черепной коробки с ухом. Из Буратино сочилась липкая лиловая гадость, в которой что-то суетилось, копошилось. Рассматривать, что именно жило в деревянном зомби, у меня желания не было, мерзко.

Странная архитектура здания наводила на мысль, что строили больницу не совсем психически здоровые строители – чтобы спуститься на нижний этаж, мне пришлось идти от лифта через весь этаж к лестнице – там тоже была шахта лифта, но без самого лифта. Забегая вперёд, скажу, что и на других этажах было так же – чтобы спуститься, мне требовалось пройти этаж насквозь к следующей лестнице. Как в компьютерной игре, только это была не игра.

Пешком я спустился на шестой этаж. Я оказался в месте, которое уже походило на настоящую больницу: широкий коридор с дверными проёмами, но без самих дверей, по которому гуляет горячий влажный ветер, словно поддувает

из тропического воздуховода. От этого ветра я круто пропотел, на меня накинута нездоровый жар, напала на кости ломота, словно я в одночасье заразился гриппом. Продвигался я осторожно, ожидал подвоха. С опаской заглянул в первый дверной проём. Да, стены только формировали проход, а внутри, где должна быть отдельная палата, перегородки отсутствовали и получалось одно помещение, вытянутое и уходящее в даль, с двумя бесконечными рядами больничных коек – справа и слева. Койки покрывали марлевые занавеси – что-то вроде защиты от москитов? – натянутые на каркас из железных прутьев. На койках лежали больные, то, что лежали именно больные, сомнений не возникало – изломанные, опухшие, истекающие разнообразными жидкостями – кто кровью, кто жирной чёрной гнилью, кто липким гноем, кто блестел мутными непонятными каплями. Некоторые из бедолаг были раздеты до нага, другие маялись в пижамах, третьи страдали просто в нижнем белье. Многие лежали неподвижно, другие же выгибались, скручивались, сучили ногами, грозили руками – ни секунды покоя. Лица полные натуги – у кого неестественно белые, у кого багровые. Но не эта картина всеобщего страдания меня ужаснула, а то, что над каждой из коек, под потолком висели огромные куски, наросты плоти, связанные с постояльцами больничных, пропитанных потом и мочой лежанок, патрубками сосудов, ребристых как шланги или куриные горла. Опухоли. Я почему-то сразу понял, что под потолком висят злокачествен-

ные опухоли, выкачивающие жизненные соки из своих носителей. Бугристые, пузырчатые, странных форм и размеров, лоснящиеся от небывалых цветов, некоторые покрытые редким волосом, кошмарные, пульсирующие ядом и смертью.

Я испугался, убежал. Не знаю, может быть, стоило попробовать кому-то из них, тех, кого мучили опухоли, помочь, но я не смог себя заставить переступить порог этой не имеющей ни начала, ни конца палаты. Прочь, прочь отсюда! На выход! Иначе, чем чёрт не шутит, сам заразишься раком.

Миновав коридор, я вышел к лифтам, а там недалеко и до лестницы. Нет, не тут-то было, этот этаж не хотел меня просто так отпускать. Над дверью, ведущей на лестницу, меня ждала она – моя личная опухоль – похожая на гигантскую мокрицу, скрещенную с корнем топинамбура, щеголяющая алыми пятнами, воняющая инопланетной помойкой. Она медленно сползла по стенке, оставляя за собой толстый слой слизи. Меня словно загипнотизировало – я тупо стоял, дрожал и ждал, когда она ко мне присосётся. И только когда опухоль поднялась на дыбы, показав брюхо, покрытое жадно сокращающимися отростками хоботов, я очнулся. Выкинул вперёд клинок, вложив весь страх и ярость в этот выпад. Сталь не достала до извращённой болезни, но с конца моего меча сорвалась красная молния, поразившая опухоль, заставившая её сжаться и отступить. Вот как, я победил Буратино и забрал у него его силу – правильная победа – за каждую победу полагается приз – это честно, даже в таком мире есть

свои законы, которые вынуждены соблюдать жители, его населяющие.

Из хоботов опухоли потекла какая-то грязная вода с кровавыми и радужными разводами. Я продолжил прожарку – закидывал опухоль молниями до тех пор, пока она не вспыхнула, а потом не покрылась коричневой коркой и густо задымила. От этой мерзости мне нечего не было нужно, призом мне стало здоровье, которое я сохранил. Путь был свободен, я эвакуировался на пятый этаж.

Этаж оказался пуст, как яичная скорлупа, которую покинуло что-то не очень дружелюбное... Хотя нет, в конце, с боку, мне подмигивал синий огонёк. Ну конечно, синим мигало оттуда, куда мне было и нужно – у лестницы. По мере того, как я подходил, огонёк рос, рос и рос, пока не вырос до размера походного костерка. Рядом с костерком сидело четверо персонажей в тёмных худи и широких штанах американских гетто. Лица троих из них скрывали маски погромщиков, лишь поверх них посверкивали злые глазки прирождённых ублюдков. А вот четвёртый не скрывался за платком маски с черепушками, а нагло подставил тёмное лицо под синие отсветы замогильного костра и при виде меня скорчил приветственный оскал – крупные серые зубы с правой стороны верхней челюсти, и такие же крупные с левой, но уже стальные, хромированные, и на нижней челюсти то же самое, только наоборот – сталь клацала о зубную эмаль. Рядом с погромщиками лежали модные скейтборды.

Бочком, бочком и мимо – я честно попробовал пройти мимо этих граждан необычной, редкой для наших мест наружности. Не получилось. Они, не смотря на меня, как по команде, снялись со своих насиженных мест, похватали скейты и ко мене. Знакомое впечатление, совсем как в юности, когда в подземном переходе, в подворотне, на заднем дворе путяги на тебя налетали толпой и втапывали тебя, а заодно и твоё достоинство, в грязь. И те тогда тоже рассчитывали на приз, и эти, вероятно, тоже. Помните, любая победа равна вознаграждению? Для ушедшей в туман прошлого гопоты наградой были крики жертв, чувство власти и, конечно, деньги лохов, а для местных супчиков наградой станет моё мясо – я заметил, почему их костёр горел синим пламенем – дровами к нему служили человеческие черепа.

Били они меня скейтами, казалось, дубасили со всех сторон одновременно. Я истерично махал своим мачете по сторонам – это я так старался отбиваться, не очень-то и получалось – как и в прошлом, когда били так, чтобы ты не встал. Магия какая-то, я давно уже не тот сопливый пацан, а взрослый мужик, прошедший и спортзал, и армию, а будто вернулся на двадцать лет назад. Пару раз мне всё-таки удалось их достать – одному вспорол брюхо, другого полоснул по щеке. У них и кровь оказалась синей, к тому же. Ранения их не остановили – кишки вползли назад в живот, рана на щеке затянулась, но зато я сумел стать ближе к лестнице. Почему-то я больше не мог пользоваться даром Буратино, возможно,

батареяка подседа и требовалось время, чтобы её подзарядить. Если бы молнии в обойме у меня оставались, с погромщиками я бы быстро расправился, а так приходилось терпеть и пробиваться.

Меня буквально вынесли, если не на кулаках, то на досках на лестничную площадку, а там я сам загремел по ступенькам вниз. За мной мои людоеды не последовали, их власть оканчивалась пятым этажом – почти всё как раньше – чёткое соблюдение границ района, распределение сфер влияния. Ничего так отдохнули. Всё тело болело, особенно досталось голове – в глазах двоилось, кружилось, во рту забытый вкус крови. Хорошо, что здесь восстанавливался я быстро, а сейчас, когда я вошёл на четвёртый этаж, и вовсе все неприятные впечатления от избиения как ветром сдуло. Мокрый этаж – окна выбиты, ветер, как и на шестом, гуляет, но холодный, несущий с собой дыхание дождя, начавшегося на улице – мелкий, но плотный, нашёптывающий о покое – кладбищенском.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.